

12+

Михаил Кулехов

Советский гамбит

Михаил Кулехов

Советский гамбит

«Издательские решения»

Кулехов М.

Советский гамбит / М. Кулехов — «Издательские решения»,

Это — про Вторую Мировую войну. Что это было, откуда это случилось, и почему случилось так, а не иначе. Описать и разъяснить всё — это одной книжкой не обойдешься. Я взял одну тему — 22 июня 1941 года. Как к этому пришли, и почему пришли именно так. А ведь это результат не только личных хотелок Сталина и Гитлера — как все в истории, это результат очень многих факторов, очень многих событий...

© Кулехов М.

© Издательские решения

Содержание

Эмбрионы европейской войны	22
Точка невозврата	30
Первый фронт Гитлера	47
Главный фронт Гитлера	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Советский гамбит

Михаил Кулехов

© Михаил Кулехов, 2026

ISBN 978-5-0070-2180-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Война, которая никак не заканчивается

То, что интерес к вопросам Второй Мировой войны у широкой публики не иссякает, вполне понятно. И тут дело даже не в том, что по размаху боевых действий и числу погибших это самая масштабная война в истории. Возможно, важнее то, что после нее ничего и близко подобного больше не случалось. Да, на периферии где-то идут какие-то войны, порой затяжные и вполне кровавые. Но это уже стало уделом в общем-то второстепенных, малоразвитых стран. Государства «первого разряда» — вроде Германии, Японии, Британии — больше друг с другом не воюют, разве что иногда устраивают «полицейские операции». После Второй Мировой войны надобность в крупномасштабных войнах у них исчезла.

Вторая Мировая война стала своего рода рубежом, сделавшим войну как инструмент политики занятием маргинальным и ненужным. Но тем больше у людей возникает интереса — а как так получилось? Что вообще это было? Чего от войны хотели ее участники — и хотели ли они вообще чего-то подобного тому, что получилось?

Как водится, на все это накладывается и текущая политическая пропаганда. Сам по себе фактор победы во Второй Мировой войне во многих странах служит одной из главных «скреп», придающих устойчивость существующей политической системы. А по законам пропаганды, свое участие в войне необходимо преподносить в максимально позитивном облике.

Это, безусловно, сильно затрудняет исторический поиск, выяснение реальных обстоятельств, связанных с войной. В СССР эта тема была настолько плотно зарегулирована, настолько в ее исследовании были поставлены жесткие рамки, что уже через пару десятилетий тема истории Второй Мировой войны в СССР стала ужасающе скучной.

Изменилось все с наступлением «эпохи гласности». Когда в оборот попали сначала зарубежные исследования, которые не вписывались в устоявшийся официоз. Ну а вскоре уже в их развитие появились и отечественные авторы, успешно разрушавшие устоявшиеся догмы и взбаламутившие застойное болотце отечественной историографии войны. И сейчас, пожалуй, тема Второй Мировой войны и всего, что с ней связано, в пост-советской историографии едва ли не самая активная.

Безусловно, приоритет в этом стоит признать за беглым сотрудником ГРУ Генштаба вооруженных сил СССР Владимиром Резуном, пишущим под псевдонимом Виктор Суворов. Во всяком случае, значительная, если не большая часть дискуссий по этой теме так или иначе крутятся вокруг его умопостроений и тезисов. Выступив со своей скандальной и провокационной книгой «Ледокол», Суворов инициировал очень бурную и массовую дискуссию по одному из ключевых вопросов — кто, как, зачем и почему начал Вторую Мировую войну? И, в частности — как, зачем и почему в нее вступил СССР?

Популярность Суворова и его версии вызвана в первую очередь тем, что много лет никем толком не исследовались причины столь громкого и тотального разгрома РККА летом 1941 года. Причем не исследовались они не только в СССР, но и за его пределами. Максимум, огра-

ничивались ссылками на «внезапное нападение». Чуть позже к этому добавился тезис про глупого Сталина, который «проспал войну».

Гениальный троллинг Суворова инициировал небывалые до того дискуссии как о причинах возникновения войны (что прежде воспринималось как стереотип — ну, Гитлер же... захотел и напал, чего тут думать?), так и о проблемах в ходе самой войны. Начиная от первых поражений польской, французской, британской, советской армий, так и до полного разгрома Германии и Японии чуть позднее. Как и положено в нормальной дискуссии, возникло множество полярно и частично противостоящих версий. Которые есть резон препарировать и проанализировать.

Дискуссии по истории Второй Мировой войны, ее происхождении, ходе и исходе, ее влиянии на тогдашнюю современность и на наше сегодняшнее бытие не стихают во всем мире. Пожалуй, со временем дискуссии только усиливаются и обостряются, зачастую приобретая поистине идеологический характер.

Почему так происходит — понятно. Самая масштабная война последних столетий остается и самой загадочной. А это, в свою очередь, порождает самые разнообразные версии и мнения, от откровенной конспирологии до простого пересказа официальной военной пропаганды — уместной во время войны, но совершенно неадекватной спустя почти 80 лет после ее завершения.

Нам проще, чем тем, кто писал по горячим следам. Да, с одной стороны, тогда были еще живы-здоровы непосредственные участники войны, и они много чего могли рассказать. Но, с другой стороны, много тогда было и субъективизма, а слишком усердные попытки выяснить реальность зачастую расценивались как личное оскорбление. Что говорить, если и сегодня на официальном уровне вновь предпринимаются попытки запретить изучение истории Второй Мировой войны, загнать ее «в рамки», установленные неведомыми чиновными ведомствами!

С другой стороны, за эти годы все же уже многое «отстоялось». Тот факт, что почти все участники войны уже ушли из жизни, упрощает процесс. Кому было что сказать, уже это сделали, и их свидетельства — в виде мемуаров или интервью — уже давно попали в общественный оборот и широко обсуждаются. Ничего особо нового очевидцы и участники уже не скажут. Достоянием широкого внимания и изучения стали и массы документов всех воевавших сторон. И даже то, что какая-то часть архивов пока еще остается засекреченной, по сути уже ничего не меняет. Речь идет только о том, чтобы уже имеющиеся, давно известные документальные данные рассмотреть комплексно и системно, с должным уровнем их верификации и осмысления. Даже если завтра архивы всего мира напроць уберут все грифы секретности и опубликуют все документы про войну, которые еще не были опубликованы — нет надежды, что там найдется нечто революционное, кардинально меняющее общую картину. Вопрос не в конкретных архивах, каких-то недостающих приказах или донесениях, а в грамотном и системном изучении уже имеющихся документальных материалов.

С чем сейчас, строго говоря, и существует определенная проблема.

Именно таким грамотным и системным изучением мы и попробуем заняться.

Как всегда, спорные вопросы по истории Второй Мировой войны можно сгруппировать в две основные группы. Первая — «как оно все случилось»? Кто виноват, и что с этим делать? Здесь, понятно, разброс мнений невероятный в своей полярности. Помимо самого Гитлера, насчет которого в общем все (или почти все) согласны, часто винят и «американский империализм», и «советский экспансионизм». Хотя, понятно, что Мировая война потому и становится Мировой, что мотивы в ней участвовать есть у значительной части стран мира.

Вторая группа вопросов, конечно, это о причинах столь неудачного начала войны для стран будущей коалиции победителей. Все те, кто в 1945-м году пришли к победе — поначалу терпели самые жестокие поражения. Сложилась даже целая концепция, гласящая, что напавший первым обязательно побеждает. Хотя, строго говоря, как раз сама Вторая Мировая война, по большому счету, свидетельствует об обратном. Но идея о «всемогуществе первого удара» продолжает оставаться популярной.

В России и странах бывшего СССР сложились определенные группы единомышленников, отстаивающих весьма противоположные версии. К первой, разумеется, мы отнесем самого Виктора Суворова (Владимира Резуна)¹ и его сторонников (назовем Михаила Мельтюхова², Владимира Невежина³, Бориса Соколова⁴, Дмитрия Хмельницкого⁵, отчасти Марка Солонина⁶), которые исходят из «превентивности» нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года. Согласно этой позиции, СССР сам готовил «внезапное нападение» на Германию с целью захватить всю Европу и устроить там «мировую революцию». И только в последний момент Гитлер успел «опередить» Сталина и нанес удар первым.

В принципе, идея эта не нова, в той или иной форме она и прежде обосновывалась рядом германских авторов⁷.

В развитие этой идеи Суворов вывел и обоснование причин первоначального катастрофического поражения РККА. Мол, они готовились только наступать, а значит — не готовились обороняться. Вот немцы их и «подловили», разгромив совершенно не к тому готовившиеся советские армии. Версия, понятно, неадекватная, но разобрать ее придется, просто в силу ее существования и немалой популярности.

Если Виктора Суворова «разоблачать» легко (как-никак перебежавший на сторону противника бывший советский разведчик, да и диплома исторического факультета у него нету), то некоторых других сторонников этой версии так просто не «забодает». Владимир Невежин как-никак доктор исторических наук, и ученую степень сделал как раз на изучении подготовки СССР к будущей войне⁸. И Михаил Мельтюхов стал и кандидатом, и доктором исторических наук тоже по изучению темы подготовки СССР к войне⁹. То есть их уже голыми руками не возьмешь, в дилетантстве и «фольк-хисторизме» не уличишь. Самая известная в широких народных массах работа Мельтюхова — «Упущенный шанс Сталина» — как раз и развивает тезис Суворова, излагая его более «ученым» языком, опираясь не на эмоции, как у Суворова, а на научный аппарат и множество источников. И если Бориса Соколова еще можно «дезаурировать», сославшись на то, что он больше публицист и литературовед, то с теми, кто специализируется именно на военной и предвоенной истории уже приходится считаться.

Проблема критиков «резунизма» (концепции Виктора Суворова — Владимира Резуна и его сторонников) состоит главным образом в том, что ведется она в излишне эмоциональных

¹ Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? — М., 1992, и др. его работы.

² Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. — М.: Вече, 2000.

³ Владимир Невежин. Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 года/ Отечественная история. 1999, №5.

⁴ Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. — СПб, Алетейя, 1998.

⁵ Правда Виктора Суворова: Переписывая историю Второй Мировой: Сборник статей / Сост. Д. Хмельницкий. — М.: Яуза, 2006, и др.

⁶ Например: Солонин М. 23 июня: «День М» — М.: Яуза, Эксмо. 2007

⁷ Например, Гофман И. Сталинская война на уничтожение (1941—1945 годы). Планирование, осуществление, документы. — М.: АСТ, Астрель, 2006.

⁸ В 1999 году защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме «Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне: Вторая половина 30-х — начало 40-х гг.»

⁹ В 1995 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Современная отечественная историография предистории Великой Отечественной войны, 1985—1995 гг.», в 2004 году защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме «Политика обеспечения национально-государственных интересов Советского Союза в Европе в преддверии Великой Отечественной войны: Март 1939 — июнь 1941 гг.».

тонах. Оппоненты упрекают «резунистов» в «ненаучности» и «фальсификации», не трудясь конкретно указывать — в чем там они узрели отступления от правил научного анализа.

В нынешней российской исторической публицистике вообще слишком много эмоций. Кто бы и о чем бы ни писал, редко кто может обойтись без обсуждения личности оппонента. Покопаться в его биографии, помянуть недобрым словом его матушку или просто обозвать всех, с тобою не согласных, вражьи подпевалами или идиотами — это стало уже такой своеобразной нормой. Что уже само по себе наглядно демонстрирует крайне низкий уровень российской культуры. Да, с точки зрения увеличения объема издания это имеет смысл: когда не хватает аргументов, можно заполнить печатные листы проклятиями в адрес оппонентов. Иной раз кажется, что проклятий даже больше, чем содержательной информации (есть ощущение, что самые «тиражные» и плодовитые авторы так и поступают). Но тираж тиражом, а честь дороже — поэтому от эмоций и обсуждения облико морале оппонентов мы постараемся удержаться.

Разумеется, никуда не делись «традиционалисты», то есть сторонники традиционной версии начала войны (Махмуд Гареев¹⁰, Олег Вишлев¹¹, и множество других). Разумеется, среди них тоже есть заметные разночтения. Скажем, кто-то до сих пор исходит из старой советской догмы о «ненависти империалистов к пролетарскому государству», хотя, например, тот же Алексей Исаев все же понимает, что вторжение в СССР для Гитлера было неразрывно связано и обусловлено уже идущей войной с Британией.

Как первые, так и вторые, расходясь в оценке предвоенных планов и намерений сторон, сходятся в том, что катастрофический разгром РККА летом-осенью 1941 года стал следствием «внезапности». Некоторые до сих пор повторяют старую, еще авторства Никиты Хрущева, версию о том, что «Сталин проспал войну», что «Сталин верил Гитлеру». Хотя эта версия тоже модифицируется — например, Виктор Суворов полагает, что Сталин не верил в нападение Гитлера потому, что сам хотел напасть, а Гитлера считал слишком слабым и на такое не способным.

«Хрущевская» версия разгрома 1941 года продолжает благополучно существовать — во всем виноват Сталин (в дополнение к нему называют и наркомов обороны Ворошилова и Тимошенко, и начальника Генерального штаба Жукова), которые «не дали» подготовиться к войне, «не отдали» нужных приказов, «запретили» вовремя подготовить надлежащую оборону. Версия, сразу скажем, слабая, и позже разберем — почему.

Алексей Исаев, дотошный исследователь военных архивов, во «внезапность» в целом не верит¹². Однако и он утверждает, что РККА «не успела» вовремя развернуться, выстроить «правильную» позицию, и именно поэтому потерпела поражение. Хотя тот же Алексей Исаев написал книгу «Когда внезапности уже не было», в которой достаточно наглядно показал, как РККА терпела поражения уже месяцами позже 22 июня, в совсем другом составе и на совсем других позициях, имея все возможности «развертывания» на нужных рубежах. Так что с версией Исаева стоит внимательно поразбираться.

Ну и самая уязвимая часть любых построений историков любого направления — это излишнее превознесение идеологических штампов и публичных выступлений вождей и глав государств перед широкой публикой. Хотя когда еще сказано, и сколько раз повторялось, что язык дан политику, чтобы скрывать свои мысли¹³. Люди часто забывают, что любая идеоло-

¹⁰ Например: Гареев М. А. Неоднозначные страницы войны. Москва: РФМ, 1995

¹¹ Например: Вишлёв О. В. Сталин и Гитлер. Кто кого обманул. — М.: Эксмо, 2010

¹² Исаев А. В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. — М.: Эксмо, Яуза, 2004; Исаев А. В. Вторжение. 22 июня 1941 года. — М.: Яуза-каталог, 2016; Исаев А. В. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. — М.: Эксмо; Яуза, 2005, и др.

¹³ Приписывается Шарлю Морис Талейрану, министру императора Наполеона, но это правило может считаться обязатель-

гия — это всего лишь публичное обоснование своих, обычно не афишируемых, интересов, и под маркой одной и той же идеологической догмы (обычно весьма мутной и неопределенной) могут скрываться самые разные, вплоть до противоположных, политических решений. В жестких идеологических системах, вроде национал-социалистической Германии или коммунистического СССР, это видно особенно наглядно. Тем не менее многие авторы упорно обожествляют цитаты из книги Гитлера «Моя борьба», или высказываний Маркса и Ленина о «мировой революции», полагая их нерушимыми догмами на все времена и случаи жизни.

Разумеется, в реальности политики — и тем более те из них, кто достиг успеха в борьбе за власть — просто не бывают столь зашоренными догматиками. С таким подходом к политике почти невозможно достичь власти, и уж совершенно немыслимо ее удержать хоть сколько-то длительное время. Между тем и Сталин, и Гитлер удержались во власти довольно долго, несмотря на постоянно меняющиеся условия и внутри их стран, и в остальном мире. Что само по себе непременно требовало от них постоянно корректировать свой курс, непрерывно менять свои планы и подходы, хотя бы и сохраняя прежние идеологические штампы для широкой публики. Все это давно известно, и в данном случае замечено, скажем, теми же германскими генералами: «При сложности характера Гитлера, его хитрости, дьявольском искусстве скрывать свои истинные мысли, внушать себе и другим идеи, в которые он сам, быть может, не верил, нелегко отделить в его бесчисленных высказываниях то, в чем он был действительно убежден, от того, что он говорил, преследуя какую-нибудь определенную цель»¹⁴.

Разумеется, цель любого политика — захватить власть и удержать ее. Демократическая система позволяет политику, потерявшему власть, остаться в живых и, возможно, попытаться еще раз повторить свой прежний успех. В авторитарных, диктаторских системах «второй подход к снаряду» практически исключается, и чаще всего утрата власти для политика означает физическую гибель. Поэтому просто ради самосохранения политики гибко приспособливают идеологические догмы под конкретные сегодняшние условия, отвечающие их конкретным интересам. Идеология — это просто инструмент манипуляции «широкими народными массами». И полагать идеологические догмы раз и навсегда нерушимой истиной — это просто какое-то идолопоклонство.

И уж тем более смешно выглядят рассуждения типа «Гитлер думал так-то» или «Сталин надеялся на то-то». О чем там думал Гитлер и надеялся Сталин — мы гадать не можем и не будем. Имеет значение лишь то, что делали те или другие персонажи истории. Поэтому мы не будем гадать о чьих-то тайных и сокровенных мыслях, будем критически и скептически оценивать их слова, а значение будем придавать лишь их конкретным действиям и решениям.

Еще один миф XX века

У каждой эпохи есть свои мифы. Когда-то вся Европа искренне полагала, что «неверные басурманы» похитили у христиан Гроб Господень, и его надо непременно у них отнять. Этот миф, между прочим, оказался весьма не безобиден, и результатом его стало несколько веков кровопролитных Крестовых походов.

Свои мифы есть и у нашего времени. Одним из самых стойких является книжка печально известного Адольфа Гитлера «Моя борьба» (Mein Kampf).

К сожалению, это книжка в России отнесена к разряду «экстремистских» и из открытого доступа изъята. Поэтому цитировать ее мы не будем. Но для понимания некоторый анализ ее сделать все-таки возможно.

ным для любого политика и во все времена.

¹⁴ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999.

В первую очередь, как полагается при анализе любых исторических письменных источников, подлежит изучению вопрос — кем, когда, при каких обстоятельствах и с какой целью это написал.

Книга «Моя борьба» за авторством Адольфа Гитлера появилась в результате недолгого пребывания указанного персонажа и группы его единомышленников (можно сказать и «подельников», хотя это и грубовато) в тюремном замке Ландсберг в 1923–24-м годах. Попали они туда в общем-то за хулиганскую (хотя и сравнительно масштабную) выходку. Все-таки трудно иначе назвать так называемый «пивной путч», устроенный Гитлером и его соратниками по партии НСДАП 8—9 ноября 1923 года в Мюнхене. И даже перестрелка с полицией, в которой реально погибло полтора десятка нацистов и четверо полицейских, в принципе ничего в этой оценке не меняет.

В общем, по итогам этого шумного бесчинства с пивом и стрельбой Гитлер и его соратники — Рудольф Гесс, Грегор Штрассер и другие — оказались в тюрьме Ландсберг. Сидели там они, впрочем, недолго, всего чуть больше 9 месяцев. Условия были фактически курортными: заключенные общались друг с другом, принимали посетителей, вели переписку с адресатами на свободе. В общем, своего рода внеплановый отпуск с казенным содержанием.

За это время и была написана книга «Моя борьба». Которую до сих пор многие искренне считают «руководством к действию», от которого Гитлер никогда ни на шаг не отступал.

Почему вообще Гитлеру понадобилось писать эту книгу? Факт в том, что ноябрьская афера с пивом и стрельбой, хотя она и была позже названа «национальной революцией», впечатления на публику не произвела. Несмотря на то, что в ней поучаствовал и знаменитый генерал Людендорф. Армия всерьез эту акцию не восприняла. Полиция встретила «пивную революцию» стрельбой. Простые же граждане просто пожимали плечами и в лучшем случае считали «революционеров» шутами.

Срочно нужно было что-то предпринять. Например — объяснить широкой публике, что они на самом деле не шуты гороховые. А идейные борцы за народное благо. Только вот идею надо было еще сформулировать.

Сама книга «Моя борьба» написана путано и сумбурно. Она полна трескучих лозунгов вперемешку с зарисовками на уровне «как я провел лето». Есть ощущение, что писал это не один человек (что, в общем-то, было замечено и раньше — многие полагают, что писали ее Гитлер на пару с Гессом и при участии Розенберга, который в основном поставлял привезенные им из России материалы).

В целом, в книге Гитлер описывает свое детство, первые попытки стать художником. Свои неудачи, когда они приехал в столицу Австро-Венгерской империи, в «золотую Вену», где внезапно для себя столкнулся с тем, что желающих стать великими художниками тут явный переизбыток. Места юному дарованию из провинциального городка Браунау не нашлось, и это стало первой душевной травмой. Как часто бывает, возник вопрос «кто виноват».

Гитлер довольно откровенно описывает, как он пришел к идее «во всем виноваты евреи». Упоминает и имя того, кто натолкнул его на столь грандиозное «открытие». Готфрид Федер, инженер-строитель, в свое время много поездивший по строительным объектам в разных странах Европы, однажды «прозрел». По сформулированной им концепции, во всех бедах человечества виноваты банкиры. Потому, что они дают людям деньги в долг за проценты. Федер даже написал книжку «Моя борьба против процентного рабства» (открытый вопрос, не заимствовал ли Гитлер свое название у Федера). А следующее звено в его умозаключениях было совсем простым. Во всем виноваты банкиры, а все банкиры — евреи. Логика простая.

Простые решения и простые ответы на сложные вопросы вообще очень любят дилетанты. Гитлер не исключение, ему очень понравилась схемка Федера. Вскоре он обратил внимание, что среди газетчиков, политиков и депутатов тоже много евреев. Мысль работала по той же

простенькой логике: ага, «банки, газеты, парламент — все ихнее». Самая массовая и популярная политическая партия того времени была социал-демократическая. Ей и досталось от Гитлера больше всех. Тем более, что идеолог социал-демократии Карл Маркс был еврей...

Еще до «пивного путча» и тюрьмы Ландсберг Гитлер познакомился с русским эмигрантом Альфредом Розенбергом¹⁵. Который, среди прочего, дал Гитлеру почитать «Протоколы сионских мудрецов» — известную фальшивку, созданную в Охранном отделении Российской империи. Влияние «Протоколов» на появление книги «Моя борьба» несомненно.

В книге «Моя борьба» простым лозунговым языком так и формулируется. Банкиры — евреи, поэтому они враги народа. Социал-демократы тоже евреи, поэтому им верить нельзя. Они заодно с банкирами. Такой довольно примитивный обывательский расизм не редкость и в наше время в любом городе мира.

Но Гитлер-то писал политическую программу для партии, а не книжку для вечернего чтения домохозяйки. А значит, требовалось добавить и чего-то наукообразного. Что-то, что бы перекликалось с известными в то время штудиями профессоров. И тут ему пригодились познания его однопартийцев-интеллектуалов.

По «расовой теории» его явно в свое время консультировал Альфред Розенберг. Который, еще живя в России, читал много подобной литературы. Гобино, Чемберлен, сам Розенберг — их мысли и тезисы разбросаны по всей книге. А вот от Гесса, судя по всему, в «Моей борьбе» то, что касается «жизненного пространства».

Дело в том, что Рудольф Гесс был близко знаком с Карлом Хаусхофером, одним из столпов «геополитики» — якобы-научной концепции, согласно которой географическое положение страны диктует ее политическое устройство, политические решения, предписывают с кем дружить, а с кем враждовать. Эта самая «геополитика» тоже до сих пор имеет немалую популярность в кругах «образованщины», начетчиков, не утруждающих себя пониманием прочитанного.

Хаусхофер рассуждал так. Каждому народу нужно сколько-то «жизненного пространства». Если его мало — то народ нищает и хиреет. Правда, слишком много пространства (по Хаусхоферу) тоже нехорошо. Народ не успевает освоить слишком большое пространство, и оно пропадает зря, а народ впустую тратит силы на излишнее пространство. Поэтому, считал Хаусхофер, надо распределить жизненное пространство «справедливо». Как определять эту «справедливость», конечно, внятного объяснения не было.

Теория «больших пространств» у Хаусхофера, положим, еще не связана с «расовой теорией». Он этого вообще почти не касался. Но Гитлер «сложил два и два», что вполне типично для дилетанта-начетчика. И получил вполне связную программу национал-социалистической партии.

По этой программе разные расы не должны смешиваться. Им следует «справедливо» разделить «жизненные пространства» и сидеть каждой на своей полянке. Расы, которые не имеют своего «жизненного пространства» (уже упомянутые евреи, а также цыгане) — это «низшие расы», «недочеловеки». И от них надо избавляться. Как именно — тогда Гитлер еще не задумывался. Это уже пришло потом.

Именно от Гесса в книге и появились эти вставки (явно выбивающееся из общего текста) про «пространства на востоке», которые в основном сейчас и цитируют. И которые, вполне

¹⁵ Родился в Ревеле, ныне Таллин, Российская империя. После окончания [Ревельского Петровского реального училища](#) осенью 1910 года поступил на факультет архитектуры [Рижского политехнического института](#). Во время [Первой мировой войны](#) перебрался в [Москву](#). В январе [1918 года](#) окончил Московское высшее техническое училище ([МВТУ](#)) с дипломом первой степени как «дипломированный инженер-архитектор». В феврале 1918 года вернулся в [Ревель](#), где попытался вступить в германский [добровольческий корпус](#), но не был принят как русский.

очевидно, включены в книгу в основном для придания ей «солидности» и наукообразия. Мол, мы не просто так, «пивные хулиганы»...

С этой книгой-программой Гитлер вышел из тюрьмы Ландсберг в 1924 году. А в 1925-м книга увидела свет.

Столкнувшись с реальной политикой реальной Германии второй половины 20-х годов, Гитлер очень многое вынужден был поменять. Например, когда он попал в тюрьму, «за главного на партии» оставил Альфреда Розенберга. Но русский эмигрант Розенберг органически не умел ничего организовывать и даже поддерживать ту организацию, что была до него. Партия нацистов была в полном разброде и раздрае. Гитлер Розенберга отодвинул и уже никогда больше ничего реального ему не поручал. Серьезной проблемой были и идейные разногласия. «Левое крыло» нацистской партии (братья Штрассеры, Эрнст Рём) вполне серьезно восприняли «антибанкирскую» риторику «Майн кампф». Беда была в том, что партии — любой — нужны деньги. Это дорогое удовольствие, заниматься политикой. А деньги дать могут только те, у кого их много. Например, банкиры. И от идей Федера про «борьбу с процентным рабством» пришлось отказаться.

Не вызвала ни у кого восторга и теория «жизненных пространств». Немецкий бюргер и немецкий бауэр хотели жить дома. В своем городе, на своей ферме. Спокойно работать, хорошо зарабатывать, ходить по воскресеньям в церковь, а по вечерам — в пивную. А вовсе не ехать в неведомые «восточные земли», где холодно, неустроенно, медведи на улицах ходят и вообще дичь какая-то. Постепенно (и весьма быстро) «Моя борьба» переставала служить реальной программой. И превращалась в своего рода символ. Мол, а у нас вот вождь какой умный, он еще и книжки писать умеет.

Выборы национал-социалистическая партия проигрывала регулярно. До начала Великой Депрессии, которая больно ударила по всем кругам населения Германии.

С этого момента Гитлер делает ставку на борьбу против «заокеанских плутократов». Свои немецко-национальные буржуи могут спастись спокойно — вредят немцам «плутократы» из лондонского Сити и с американского Уолл-Стрита. Это они раскинули свои колониальные империи по всему миру, мешая немецким промышленникам торговать с братскими арийскими индусами. Это они своими финансовыми махинациями устраивают кризисы, разорительные и немецкому рабочему, и немецкому заводчику.

Эта риторика оказалась действенной. И число сторонников у нацистов стало быстро возрастать. Но не на выборах победила эта партия, не большинством голосов Гитлер занял пост канцлера.

Возможно, рубежную роль сыграло то, что в 1930 году в число активных сторонников нацистов попал Ялмар Шахт. Его биография и карьера строилась в основном на государственной службе в финансовых учреждениях, из работы на международных конференциях по экономическим вопросам. Он хорошо знал ситуацию с репарациями, которые выплачивала Германия, так как был в числе тех, кто разрабатывал положения Банка международных расчетов, через который шли репарации. Шахт был президентом Рейхсбанка — центрального государственного банка Германии. Но в 1930-м году с этого поста его «ушли». И он обратился к тем, кто мог содействовать ему вернуть свое положение. Это и были нацисты.

Связи в кругах промышленников и банкиров у Шахта были весьма обширные. В 1932 году он написал текст «Обращения промышленников» к президенту Германии Гинденбургу с просьбой назначить Гитлера канцлером, главой правительства. Тогда Гинденбург отказал, назначил Курта Шлейхера — но буквально через несколько месяцев Шлейхер свой пост потерял, и на его место пришел Гитлер.

Своего благодетеля Гитлер не забыл. Одним из первых его решений было назначить Ялмара Шахта снова президентом Рейхсбанка. В этой должности Шахт осуществил весьма

масштабную операцию, в чем-то схожую с тем, что в России в 1990-е делали и Министерство финансов (выпуская ГКО, государственные краткосрочные обязательства), и предприниматель Сергей Мавроди, выпуская свои «купоны».

Одна из главных проблем, с которой столкнулся Гитлер, став канцлером, был глубокий и безысходный кризис. Великая Депрессия по-разному ударила по разным станам. Германии пришлось несладко. Производство резко упало, сократились и поступления в бюджет. Получился замкнутый круг: для расширения производства нужны деньги, а денег нет, так как сбыт сократился. Возможны только бюджетные расходы, но это неизбежно ведет к инфляции, что для Германии в то время было крайне болезненно. Не было шансов и на внешние кредиты: в условиях мирового кризиса банки и так-то давали кредиты неохотно, а Германии после прекращения уплаты репараций и прихода к власти Гитлера вообще давать перестали.

Шахт нашел простой и изящный выход. Была создана своего рода «фирма «Рога и копыта» — Metallurgische Forschungsgesellschaft m.b.H.). За фирмой этой не было ничего, ни имущества, ни денег. Но у нее было право выпускать векселя (платежные обязательства) под гарантии Рейхсбанка. Президентом которого был Шахт. И этими векселями оплачивались государственные заказы. В основном, конечно, на вооружения, но также и на строительство дорог (именно тогда в Германии и начали строить знаменитые автобаны). В целом, к 1938 году выпущено было «векселей Мефо» на 12 миллиардов рейхсмарок. Что покрыло почти половину расходов на вооружение новорожденного Вермахта. А поскольку эти векселя не были собственно деньгами, то сразу к инфляции это не привело.

Но за все в жизни надо платить. Пришлось расплачиваться и Сергею Мавроди за свои «купоны», и российскому Минфину за свои ГКО в 1998 году. В 1938 году приходил срок начала погашения «векселей Мефо». Вот тут-то все и завертелось...

Вариантов было в общем два. Или все по-честному, платить, как указано в сумме «векселей». Тогда это требует выпуска огромной массы необеспеченных рейхсмарок. Что опять-таки ведет к огромной инфляции, наподобие той, что была в Германии в памятном 1923 году (это хорошо описано в повести Э.М.Ремарка «Черный обелиск»). Либо не платить, но тогда, в свою очередь, все те, кто под эти «векселя Мефо» производил продукцию и брал их в уплату, несут огромные убытки. В массе своей они становятся банкротами, со всеми вытекающими последствиями — заводы закрываются, люди теряют работу... И, с большой вероятностью, пополняют ряды желающих побунтовать. Все это Гитлер уже видел, и сам, кстати, принял участие в этих бунтах. И повторения ему крайне не хотелось — потому что бунтовать теперь будет уже не он, а другие против него.

Ялмар Шахт выступал за погашение «векселей». Но министр экономики Вальтер Функ сказал, что погашать их не будут, а обменяют на облигации Рейхсбанка. Шахт, как президент Рейхсбанка, стал протестовать. Его уволили, а «векселя» погашать так и не стали. Ситуация обострилась, и надо было что-то делать.

И тогда включилась политика.

Для понимания политического механизма, применяемого в подобных случаях, можно посмотреть блестящий фильм Барри Левинсона «Хвост виляет собакой». Сюжет простой. Идут выборы президента США, до голосования осталось чуть больше недели. И тут идущий на перевыборы президент попадает в скандал с сексуальными домогательствами. Его рейтинг падает в ничто, все окружение в панике. Тогда приглашают «специалиста-все-исправлю» Конни Брина (в исполнении великолепного Роберта Де Ниро). Брин находит голливудского продюсера Стэнли Моттса (исполняет не менее великолепный Дастин Хоффман), и на пару они устраивают виртуальную «войну с Албанией». Виртуальную потому, что эта «война» существует только в телевизоре. Избирателям показывают какие-то смутные картинки вроде бы

идушей «войны», идущий на второй срок президент произносит речи о том, как он ценит героев-солдат, защищающих ценности демократии за океаном... Разумеется, к моменту голосования его рейтинг взлетает до небес, и он выигрывает выборы.

Как можно понять, подобные приемы используются сплошь и рядом в самых разных странах. И Германия 1930-х тут не исключение. В конце концов, Вячеслав Плеве, министр внутренних дел Российской империи, еще в 1903 году говорил: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Чем же Гитлер хуже?

Различаются в разных странах и в разных политических системах только конкретные лозунги. Для Германии 1938 года, с национал-социалистической партией во главе, лучшим был лозунг «воссоединения нации» и «возвращения исконных земель».

Эта программа (реальная политическая программа национал-социалистического Рейха, а не пропагандистская брошюрка 15-летней давности) была озвучена Гитлером 5 ноября 1937 года, и запротоколирована его адъютантом полковником Фридрихом Хосбахом¹⁶.

На конференции 5 ноября 1937 года присутствовали сам канцлер Адольф Гитлер, военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг, главнокомандующий армией генерал-полковник барон Вернер фон Фрич, главнокомандующий ВМФ адмирал Эрих Редер, главнокомандующий ВВС генерал-полковник Герман Геринг, министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат и адъютант Гитлера полковник Фридрих Хосбах. Гитлер поставил главный вопрос: объединение «национального немецкого ядра». Что на практике означало «возврат исконных территорий», или объединение под властью Германии всех территорий, на которых было значительное число немецкоязычных жителей. Это означало Австрию, это означало немецкоговорящую Судетскую область Чехословакии, это означало часть Польши и вольный город Данциг.

Открывая конференцию, Гитлер заявил: все, что будет решено на конференции — это его «политическое завещание». Про книгу «Моя борьба» не возникало и речи, что понятно: прошло почти полтора десятка лет, и все то, что Гитлер писал, будучи узником тюрьмы Ландсберг, не имеет отношения к главе правительства Германии Гитлеру. Решающему совсем другие проблемы в совершенно других условиях.

Формальным поводом для созыва конференции были жалобы командующего военным флотом адмирала Редера. Адмирал указал, что флот по сути оказался на «голодном пайке». Судостроительные программы под угрозой: не хватает стали, другого сырья, промышленные мощности очевидно не справляются с судостроительной программой. Все «забирают» армия и авиация (хотя и они не особо благоденствуют, и их программы развития и роста далеко не выполняются).

Гитлер, как глава правительства, объяснил военным, что большего экономика Германии не потянет. Не вдаваясь в детали аферы с «векселями Мефо», он дал им понять, что экономика — в кризисе, и спасти ее от кризиса за счет внутренних резервов невозможно. В этом, разумеется, Гитлер был прав: за все в жизни надо платить, в том числе и платить по финансовым обязательствам. Финансовый «мыльный пузырь» «векселей Мефо», за счет которого искусственно поддерживалась занятость, за счет которого немецким рабочим платили зарплаты, за счет которого государство осуществляло свои экономические и социальные программы, вот-вот готов был лопнуть. Последствия этого трудно было предугадать. Но, как минимум, это привело бы к государственному банкротству Германии, резкому обвалу курса рейхсмарки, к гиперинфляции наподобие того, что было в 1923 году, когда зарплату выдавали дважды в день (чтобы утреннюю выплату успели потратить до того, как объявят новый курс валюты, еще раза в два-три ниже текущего).

¹⁶ Documents on Germany Foreign Policy 1918—1945 Series D Volume 1 From Neurath to Ribbentrop (September 1937 — September 1938) Washington, United States Government Printing Office, 1949.

Как раз тогда Гитлер и устроил свой «пивной путч». Все повторялось, с той разницей, что в этот раз возможный путч был бы устроен уже против самого Гитлера.

Какой же выход был возможен из этого тупика?

Платить по векселям — невозможно, потому что нечем. А чтобы не платить, надо «уйти» с международных финансовых (и, как следствие — товарных) рынков. «Закрыться» в своем экономическом пространстве, сократив все контакты с внешним миром до минимума, в идеале — до нуля. Жить только за счет своего «жизненного пространства».

Это модная тогда концепция «автаркии» (впрочем, свои поклонники есть у нее и сейчас). Сегодня она в наиболее последовательном варианте реализуется в Северной Корее («идеи чучхэ»). Понятно, что сегодня, имея перед глазами наглядный опыт реализации «автаркии», серьезные люди от нее восторга уже не испытывают. Но тогда еще этого опыта не было, и у многих были иллюзии, что это возможно. Ну, а у Гитлера попросту не было выбора: или снова столкнуться с революцией, подобной тому, что он уже пережил два десятка лет назад — или идти ва-банк, в надежде, что «проскочит». Тем более, что определенные основания для подобных надежд у него имелись.

Дело в том, что Версальский договор 1919 года, главный объект критики Гитлера и национал-социалистической партии, не был популярен и в других странах. США так вообще отказались его ратифицировать — дело в том, что они оказались в очень неудобном положении. Ведь в 1918-м Германия пошла на перемирие в ответ на предложение президента США Вудро Вильсона о «мире без аннексий и контрибуций». Но, согласившись на перемирие, и выдав Антанте все свое оружие (флот, артиллерию, авиацию), Германия осталась беззащитной, и вынуждена была согласиться на совсем другие условия Версальского мира, где были и аннексии, и совершенно безразмерные контрибуции. В США справедливо сочли, что их попросту «подставили», и желание еще раз лезть в европейские дела у них сильно поубавилось. Но и в самой Европе, в первую очередь в Британии, эта ситуация многим не понравилась. Немцам обещали одно, и, по сути, их обманули. Поэтому, когда в 1936-м году Гитлер в одностороннем порядке ввел войска в Рейнскую область, а несколько ранее отказался выполнять военные условия Версальского мира (об ограничении армии и флота), Британия и Франция не смогли решительно протестовать. «В конце концов, — говорили многие, — немцы просто восстанавливают свой суверенитет на своей территории».

В 1918 году прекратило свое существование еще одно германское государство — Австро-Венгерская империя (между прочим, родина самого Гитлера). И в возникших на ее месте Чехословакии, Венгрии, Югославии, а также в Польше и Румынии, жило довольно много этнических немцев («фольксдойче»). При этом создание новых государств опиралось на принцип самоопределения наций — и Гитлер развернул этот принцип в свою пользу. Если чехи и словаки получили свое чехо-словацкое государство — то как быть с судетскими немцами, уже веками живущими на территории Чехословакии? Они-то имеют право на самоопределение? А что с немцами, живущими в Польше? Или, например, вольный город Данциг (в 1939-м году 98 процентов его населения было немецким). Польша упорно считала его польским Гданьском — как с этим быть?

В общем, «версальская система» сама по себе несла в себе множество внутренних пороков, которыми Гитлер с готовностью воспользовался.

На конференции 5 ноября 1937 года Гитлер четко изложил свое видение целей долгосрочной политики Германии. Они состояли в том, чтобы обезопасить и сохранить «расовое сообщество» (Volksmasse) и расширить его. Следовательно, речь шла о «жизненном пространстве». Речь, в первую очередь, шла об Австрии и Чехословакии, бывшем «ядре» Австро-Венгрии. Но, судя по всему, и этого «пространства» Гитлер считал недостаточно для самообеспечения «расового сообщества» сырьем и продовольствием.

Кратко описав ресурсные потребности «германского ядра», Гитлер указал, что если углем и железной рудой Германия себя еще может обеспечить за счет внутренних запасов, то вот с цветными металлами и особенно с продовольствием это невозможно. Даже с моторным топливом, указал Гитлер, ситуация не столь сложная (к этому времени в Германии уже научились делать синтетический бензин). Нужны источники продовольствия для растущего немецкого населения.

В общем-то многие страны, в том числе и в Европе, не могут прокормить свое население только за счет своего производства, это не новость. Они покрывают недостачу за счет импорта продовольствия, который оплачивают экспортом чего-то полезного, что они умеют делать — сырьем или промышленной продукции. На том построена мировая экономика во все столетия. Но Гитлер считал, что участие в мировой экономике «политически ненадежно». Да и вообще, «для стран, не входящих в великие экономические империи, возможности экономического роста были серьезно ограничены». Не правда ли, знакомые слова даже из риторики некоторых современных лидеров кризисных стран?

Итак, в мировой экономике, по Гитлеру, Германии хорошего ждать нечего (потому что там «рулят» Британия и США, а эти «плутократы» Германию ненавидят и не дадут ей жить нормально). Значит, цель — автаркия. Отгородиться от мировых рынков и жить только своими ресурсами, никого «чужих» к себе не пуская. Кто сказал, что «идеи чучхэ» придумал Ким Ир Сен? Он всего лишь повторил то, что сформулировал Гитлер¹⁷.

Рассуждая дальше, Гитлер указал, что о возврате прежних колоний Германской империи времен Кайзера речь пока не идет. Они за морем, а морем владеют британцы¹⁸. Значит, продолжал Гитлер, речь первоначально может идти только о Европе, о тех землях, что непосредственно прилегают к «германскому ядру».

«Перед Германией встал вопрос: где она могла бы добиться наибольшей выгоды при наименьших затратах».

Главным препятствием для Германии в обретении ею «жизненного пространства», утверждал Гитлер, являются «одухотворенные ненавистью» к Германии Британия и Франция. Но в Британской империи он усматривал слабость. Она, по Гитлеру, заключалась в том, что в ней на одного британца приходится десять жителей колоний. В этом слабость, и это, по Гитлеру, «предупреждение для нас, чтобы в нашей территориальной экспансии не позволять фундаменту, состоящему из численной силы нашего собственного народа, стать слишком слабым». Покорение других народов опасно для самих покоряющих! «Германское ядро» нельзя «разбавлять» чужими¹⁹.

Таким образом, Гитлер обрисовал предстоящую политическую экспансию Германии следующим образом. Цель номер один — немецкоязычная Австрия и Чехословакия, как бывшая территория Австрийской империи, то есть той же Германии, в его понимании. У Чехословакии есть союзные соглашения с Францией и СССР. Однако, полагал Гитлер, Франция без одобрения Британии выступить не осмелится. А для Британии сдерживающей силой является Италия, вождя которой Бенито Муссолини он считал «гением». Захват Италией Эфиопии, по мнению Гитлера, нанес сильнейший удар по авторитету Британии, и сделал Муссолини «лидером» мусульман, противостоящих британскому колониализму. Без Британии Франция

¹⁷ Кстати, не надо забывать, что «идеи чучхэ» в КНДР стали популярными и руководящими только с 1980 года, когда Северная Корея не смогла рассчитываться с зарубежными кредитами, которых в обилии набрала у Японии, Франции, Италии в прежние годы. Тогда КНДР объявила дефолт, и стала «опираться на собственные силы». Результат сегодня всем вполне очевиден, хотя, конечно, с «собственными силами» ничего не вышло: КНДР в значительной степени сейчас живет на гуманитарной помощи из США.

¹⁸ Французам и русским подвластна земля, Британцам море покорно, Но в царстве воздушном мечтательных грёз Немецкая мощь бесспорна. *Генрих Гейне, «Зимняя сказка»*

¹⁹ Сравните это с тем, что пришлось немцам делать позже, уже во время войны!

выступать побоится, а еще один сосед — Польша — не сможет выступить против Германии с Россией в тылу. Сама же Россия (СССР), номинальный союзник Чехословакии, упоминается Гитлером всего однажды — в том смысле, что быстрота действий не позволит ей прийти на помощь чехам. Впрочем, добавил Гитлер, у России есть еще проблемы с Японией, так что учитывать фактор СССР в своих раскладах он считал излишним.

Таким образом, «завещание Гитлера» состояло в определении курса политики Германии на ближайшие 10 лет. Первое — «собрание германского ядра», в лице Австрии и Чехословакии. Восстановление прямых связей с Венгрией, в союзе с которой он явно не сомневался. Дальше — движение на Балканы, где и лежит решение проблемы «продовольственной автаркии» Германии: прокормить «германское ядро» ресурсы Балкан вполне позволяли. Ну а тогда можно будет и потребовать от Британии и Франции возвращения прежних германских колоний, а может быть и других уступок.

О «завоевании России», как мы видим, нет и намека. «Восточная политика» Гитлера включала в себя Австрию, Чехословакию и Балканские страны. Насчет Польши в это время конкретных задач не стояло. Видимо, они возникли позже, в ходе реализации первого назначенного этапа экспансии.

Ну и, конечно же, нигде нет ни намека на когда-то им написанную книгу «Майн Кампф» с ее «программными» положениями, которыми так любят козырять нынешние историки.

Почему же так? Да все очень просто. Маргинальный политический активист Адольф Гитлер, посаженный в тюрьму за политическое хулиганство, и глава государства Германия фюрер и канцлер Адольф Гитлер — это два разных человека. Разных не только по возрасту (хотя, конечно, 12 лет прошло — да каких лет!), но и по своей информированности, по кругу общения, по жизненному и политическому опыту, наконец. Те задачи, что стояли перед Адольфом Гитлером образца 1925 года — это мелкая суeta в сравнении с тем, что пришлось решать Адольфу Гитлеру в 1937-м.

Один из ключевых пунктов программы Гитлера и его Национал-социалистической партии — собрать всех немцев в «общей родине». Нетрудно заметить, что в самой этой формулировке сложность содержится в критерии определения «немца». Когда-то, когда еще формировалась будущая Германская империя (в первой половине XIX века) национализм пытался опираться на какие-то научные изыскания. Антропология в ту пору опиралась на категорию «расы» и «почвы», «земли». В Германии это сформировалось в концепцию *Blut und Boden* («Кровь и Почва»), ведущим идеологом которой был Вальтер Дарре. Он родился в Аргентине, но потом переехал в Германию, воевал на Западном фронте в Первой Мировой войне. Вальтер Дарре может считаться одним из основателей современного экологического движения. Он резко высказывался против городского стиля жизни, считал сельское население, крестьян «душой нации», выступал за «органическое» сельское хозяйство, за «натуральные продукты» безо всякой «химии». В 1930 году Дарре вступает в партию Гитлера НСДАП и сразу становится советником фюрера по сельским вопросам, одновременно получив чин штандартенфюрера СС. Когда Гитлер возглавил правительство, Дарре становится министром сельского хозяйства и продовольствия, в звании обергруппенфюрера СС. До 1942 года все аграрные вопросы остаются в его ведении.

Именно Дарре, вместе с Генрихом Гиммлером, курировал вопросы расселения и демографии, то есть то, что составляло суть понятия «жизненное пространство». В этом качестве с 1936 года ему пришлось заниматься размещением этнических немцев, приезжающих в Германию из других государств.

Немецкая диаспора в мире была весьма многочисленной²⁰. Скажем, в США больше половины белых американцев имеют немецкое происхождение. Немало немцев с очень давних времен жили (и живут до сих пор) во Франции, в Италии, на Балканах, в Восточной Европе. Гитлер, возглавив правительство, выдвинул лозунг *Heim ins Reich* — «Домой в Рейх», то есть в Германию. В соответствии с «расовой теорией», все немцы должны жить в Германии, а не скитаться, подобно цыганам или евреям, по чужим краям. Именно в рамках декларации *Heim ins Reich* и началась экспансия Рейха в 1938—1939 годах: возвращение Германии утраченных территорий, объединение всего «германского территориального ядра» и расселение на нем всех немцев, «рассеянных» по миру.

В 1938-1939-м годах к Рейху была присоединена Австрия, отнятая у Чехословакии Судетская область, значительная часть Польши. В соответствии с «расовой теорией», с этих вновь присоединенных территорий депортировалось «не-германское» население, а на «освободившемся» месте расселялись вернувшиеся «фольксдойче». Так, по программе национал-социализма, создавалась «расово-чистая» Германия.

Проблема, однако, состояла в том, что *ins Reich* было просто нечем заселять. Скажем, из присоединенной к Германии части Польши (Померания, Западная Пруссия и Позен) было выселено более миллиона поляков. А вот новых поселенцев «немецкого происхождения» столько просто не нашлось. До конца войны на аннексированную у Польши территорию было завезено переселенцев из Южного Тироля (его отдали Италии) 83 тысячи человек, из Прибалтики (когда она вошла в состав СССР) 123 тысячи, с Западной Украины (когда она стала частью Украинской ССР в 1939—1940 году) 128 тысяч, из Бессарабии (ставшей Молдавской ССР в 1940 году) 137 тысяч. Уже после вторжения в СССР в 1941 году с оккупированной территории активно вывозили в Германию всех, подпадавших под категорию «фольксдойче» — их еще набралось около 250 тысяч человек. Всего, таким образом, для заселения новообретенных «восточных земель» набралось 867 тысяч человек — меньше, чем до войны там жило изгнанных поляков²¹. То есть практика ясно показала, что Германия фактически и не нуждалась в расширении «жизненного пространства» — это «пространство» нечем было заселять.

Более того. С началом войны в Германии очень обострилась проблема нехватки рабочих рук, в первую очередь даже не в промышленности, а в сельском хозяйстве. Землю захватили, а работать на земле некому. Поэтому с самого начала войны в Германию стали завозить иностранную рабочую силу, с оккупированных территорий.

В Германии к началу 1938 года проживало 66 миллионов человек, в Австрии к моменту аншлюса в марте 1938 года — 6,7 миллиона, в Мемеле (присоединенном к рейху в марте 1939 года) — всего 155 тысяч. Итого около 72,7 миллионов²². В 1939 году в Германии проведена мобилизация, которая довела численность Вермахта до 3,7 миллиона человек. Больше до 1944 года мобилизаций там не было, и армия пополнялась текущим призывом военнообязанных. В 1940 году, после перемирия с Францией, сухопутные воиска были сокращены — до 2 миллионов солдат были демобилизованы — впрочем, лишь на время: не хватало рабочих рук. Уже с этого момента в оккупированной Франции, Бельгии, Люксембурге, Нидерландах начали набирать людей для работы на германских заводах и в сельском хозяйстве. Эта практика уже действовала в отношении поляков.

Летняя и осенняя кампания 1941 года на Восточном фронте хотя и развивалась успешно для Вермахта, но лишь тактически. Стратегически продвижение вглубь СССР и захват огром-

²⁰ «Зарубежные» немцы часто именовались в Германии «фольксдойче».

²¹ *Enzyklopadie Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. München: K.J. Bade, 2007

²² Как ковался германский меч: Промышленный потенциал Третьего рейха / Перевод с немецкого Г. В. Смирнова, В. М. Шаститко. М.: Яуза; Эксмо, 2006.

ных территорий ничего для победы Германии не давали. Напротив — этот обширный театр военных действий стал лишь «черной дырой», в которую без отдачи уходили огромные ресурсы. Использовать же ресурсы захваченных территорий германское руководство особо и не пыталось.

Например, в 1940 году Донбасс добывал 94,3 млн. тонн угля (из 165,9 млн. тонн общей добычи СССР, то есть 56,8%). Уже в самом начале войны, летом 1941 года, шахты прекращают добычу. Это в первую очередь связано с потерей ДнепроГЭС-а — крупнейшей электростанции, снабжавшей электроэнергией всю угольную добычу. К лету 1942 года уже и сама территория Донбасса была оккупирована. Но использовать огромные залежи угля немцы особо и не пытались. Добыча угля во время оккупации сократилась до 1,5—2 процентов довоенной. И уголь для нужд Восточного фронта и оккупированных территорий СССР завозили из Германии. По отчету *Wirtschaftsstab Ost* от 15 июля 1944 года, с начала войны и по 31 августа 1943 года в оккупированные территории СССР было завезено 17,6 млн. тонн угля, в том числе 13,3 млн. тонн для железных дорог, 2,9 млн. тонн для промышленности²³ и 2 млн. тонн для Вермахта. И в самом Донбассе до конца 1942 года было добыто 1,4 млн. тонн угля²⁴.

Западная Украина (Галиция) — один из старейших районов добычи нефти в Европе, еще с XVIII века. В начале XX века в Галиции, тогда входившей в состав Австро-Венгрии, добывали до 2 миллионов тонн нефти в год. После 1918 года Галиция стала частью Польши, добыча нефти сократилась, хотя и к 1938-му она составляла не меньше 1 миллиона тонн. По протоколу к Договору о ненападении 23 августа 1939 года Галиция отошла к СССР, а в первые же дни Восточной кампании 1941 года была оккупирована Вермахтом. На территории Западной Украины, вошедшей в состав СССР в предвоенный период, добыча нефти в 1940 г. составила 375 тыс. т. Для переработки этой нефти в ведении треста «Укрнефтекомбинат» действовало 18 нефтеперерабатывающих заводов, план работы которых на 1940 г. составил: бензина — 83 500 т, газойля и солярки — 72 337 т, машинных масел — 35 192 т, керосина — 103 200 тонн. Всего же, по данным американских геологов, разведанные запасы нефти по всей Западной Украине исчислялись в 100 млн. тонн²⁵.

Но, несмотря на то, что нефть для Германии в ходе войны всегда представляла важнейшую нужду, с момента оккупации Украины Вермахтом добыча практически прекратилась. В 1944 году в Галиции добыто всего 92 тысячи тонн нефти²⁶. Конечно, с августа 1944 года немцев уже оттуда выгнали. Но первое полугодие добыча шла, и в расчете на год она составила менее 200 тысяч тонн — в пять раз меньше, чем было в довоенный 1940 год. Восточный фронт Вермахта снабжался топливом из Германии, из Венгрии, из Румынии — но вот захваченные в первые же дни войны советские источники нефти и нефтепродуктов практически не использовались.

Промышленность и сельское хозяйство на оккупированной территории СССР пришли в полный упадок. Часть заводов эвакуировали при отступлении, но и те, что остались, в лучшем случае влачили жалкое существование. А это, помимо всего прочего, означало еще и массовую безработицу, лишение огромного числа людей всяких средств пропитания²⁷. В деревнях крестьяне еще могли как-то перебиваться подсобным хозяйством, а вот горожанам было совсем

²³ Косвенно это показывает, что осталось от той промышленности, которая была в СССР и потребляла 90 с лишним миллиона тонн донецкого угля.

²⁴ РГВА, ф. 1458к, оп. 3, д. 77, л. 97

²⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 8414, оп. 25, д. 610, л. 30, 33; КОВАЛЕВ В. Н. Экономика нефтяного района Прикарпатья в период иностранного владычества и в годы Советской власти. Киев. 1960

²⁶ Алексей Балиев — «Нефтяные пятна» Второй мировой https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/neftanyje_patna_vtoroj_mirovoj_2009-09-18.htm

²⁷ Еще раз напомним — в оккупацию 1941—1944 гг. попало до 60—70 миллионов человек.

невмоготу. Не удивительно, что жители оккупированных территорий — с охотой или без охоты — готовы были ехать на заработки в Германию.

Разумеется, степень «добровольности» тут весьма относительная. Немало было случаев, когда «восточных рабочих» набирали и принудительно. Но нет сомнений и в том, что хватало и добровольцев. Хотя бы потому, что это давало хоть какой-то источник пропитания. Жители оккупированных территорий ничего не знали о положении на фронтах, вернутся ли сюда советы или нет — кто ж его знает. А жить и что-то кушать надо сейчас.

По документам Нюрнбергского процесса с территории СССР за годы войны было вывезено 4 млн. 979 тыс. человек гражданского населения²⁸. Есть и другие цифры: не все «восточные рабочие» попадали в централизованную статистику Рейха (и уж тем более далеко не все они учитывались послевоенной советской статистикой). С учетом этого, число «восточных рабочих» (не считая военнопленных, которые в массе своей тоже использовались на работах) возрастает до 5,5 миллионов человек²⁹. Вне зависимости от точности этих цифр, ясно одно. Германия «оттяпала» себе территорий больше, чем могла заселить и освоить. Не хватало людей не только «германской расы», недостаточно было просто рабочих рук, чтобы использовать «жизненное пространство», оказавшееся в распоряжении Гитлера к 1940 году. Для восполнения этой нехватки пришлось наступать на горло собственной песне и «разбавлять» «расовую чистоту» огромным числом «восточных рабочих».

Маргинальный политик, вчерашний ефрейтор-фронтник из провинциального Мюнхена Адольф Гитлер в 1923 году мог рассуждать про «жизненное пространство», которого якобы не хватает «германской расе». Десятью годами позже Адольф Гитлер становится главой правительства (а еще через год главой государства), и сталкивается с целой кучей проблем, о которых в свою «мюнхенские» времена он и понятия иметь не мог. Между прочим, это касается не только СССР — оккупировав Францию, Бельгию, Нидерланды, Югославию, немцы также использовали их ресурсы крайне ограниченно. Французские или бельгийские заводы в годы оккупации тоже почти не работали, а для снабжения продовольствием оккупированных французов и бельгийцев Германия поставляла туда зерно. Оккупированные же территории СССР явно вовсе не представляли ценности для Гитлера — и не случайно всех, кого классифицировали как немцев, с этих территорий вывезли в Германию. Само по себе только это, безусловно, говорит о том, что присоединять, подчинять, колонизировать эти территории никто и не собирался. Просто незачем. Делалось ровно обратное.

Это понимание важно для понимания мотивов Гитлера и германского руководства, их целей и замыслов перед войной и в ходе войны. Публично для народа они могли говорить что угодно. Но есть вполне конкретные нужды и задачи вполне конкретной собственной германской экономики. Для решения которых захват каких угодно территорий бесполезен по определению.

Идеология — лишь внешнее оформление конкретных интересов групп людей. Государственная идеология призвана маскировать цели и интересы правящей бюрократической группировки. Например, руководства Третьего Рейха, Германии в эпоху Гитлера. «Не верь тому, что написано» — старая народная мудрость в этой ситуации верна, как нигде. Поэтому совершенно неуместно бездумно и некритически принимать на веру то, что писал, например, русский большевик Владимир Ленин в книжке «Государство и революция». Он там, на секунду, планировал «отмирание государства». Став во главе правительства, он принял самое деятельное участие в формировании самой жесткой бюрократической государственной системы. Гит-

²⁸ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1. М., 1954.

²⁹ Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996

лер тоже политик. И уже хотя бы поэтому верить в каждое слово, в каждую букву того, что он где-то сказал или написал совершенно немыслимо.

И уж тем более немыслимо полагать, что какой-то политик всю жизнь нерушимо держится за всякую догму, когда-то им произнесенную на публике. Только дурак всю жизнь держится одной-единственной догмы, усвоенной им в молодости. А дураки не становятся главами государств и правительств.

Сочинения молодости могут быть дороги как память — но ни в коем случае не как программа для реальных действий в совершенно других условиях.

И в тех условиях, в каких приходилось жить и работать канцлеру и фюреру Третьего Рейха Адольфу Гитлеру, сочинение его юности «Моя борьба» была совершенно непригодна. Потому о ней он и не вспоминал, и все делал почти в точности наоборот.

Эмбрионы европейской войны

Выражение «второй фронт» в истории Второй Мировой войны стало стереотипом. А как на самом деле — какой фронт был первым, какой вторым, и сколько вообще было фронтов в той войне? И вообще, когда же она все-таки началась и где?

Общепринято считать, что Вторая Мировая война началась 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу. Общепринято, но не везде. В Китае вот считают, что Вторая Мировая война началась 7 июля 1937 года «инцидентом на мосту Лугоу». Что в общем обоснованно: ведь Китай, среди прочих (США, Британия, СССР и другие) принимал капитуляцию Японии на борту американского линкора «Миссури» 2 сентября 1945 года — когда, собственно, и завершилась Вторая Мировая война. В которой Китай с Японией непрерывно воевали как раз с 7 июля 1937 года.

Стоит добавить еще, что именно этот японо-китайский фронт и стал определяющим для дальнейшего поведения США, в конце концов приведшего их к Пирл-Харбору и прямому участию в войне. И именно с этого момента она стала именно Мировой, и ее итоги оказались уже окончательно предрешен. Так что «китайская версия» имеет под собой серьезные основания.

В Европе, конечно, стоит считать начало Второй Мировой войны с 1 сентября 1939 года. Хотя могло начаться и раньше.

Положения, высказанные на конференции в руководстве Рейха 5 декабря 1937 года, стали реализовываться в самом скором времени. И началось все, как следовало ожидать, с Австрии. Это было самое «слабое звено» во всем «версальской системе», сложившейся после Первой Мировой войны. Развал Австро-Венгерской империи столкнулся с массой тупиковых проблем. Самая первая — а как проводить границы вновь возникающих государств? Все они ссылались на право народов на самоопределение. Но как определить, где какой народ живет в империи, не случайно названной «лоскутной»? На территории будущей Чехословакии, будущей независимой Венгрии, заметно расширившейся Румынии были многочисленные анклавы с компактным немецкоязычным населением. А «немецкое ядро» Австро-Венгрии составляло нынешнюю Австрию и Судетскую область, позже отнесенную к Чехословакии. И 22 ноября 1918 года возникшая на руинах бывшей империи Германско-Австрийская Республика определила свою желаемую национальную территорию. В нее вошли, кроме собственно Австрии, немецкая Богемия и провинция Судетская область, а также немецкоязычные анклавы Брно, Иглау и Оломоуц (сегодня все они в составе Чехии и Словакии).

Еще до того, 9 ноября 1918 года, через шесть дней после заключения перемирия между Австро-Венгрией и державами Антанты, Временное Национальное собрание Австрии обратилось к канцлеру Германии с просьбой включить Германскую Австрию в состав реорганизуемой Германской империи. 12 ноября 1918 года закон о форме государства и правительства был единогласно одобрен Временным национальным собранием Германской Австрии. Его вторая статья была: «Немецкая Австрия является частью Германской Республики».

Однако державы-победительницы сочли это за нарушение Версальского договора, принятого Германским рейхом 28 июня 1919 года, и потребовали его изменения. И государство Германская Австрия стала Австрийской республикой, которой запретили присоединяться к Германии.

Стоит отметить, что за присоединение к Германии выступали в основном австрийские социал-демократы и коммунисты. А вот консервативные партии (вроде христианских социалистов) выступили резко против.

Не следует считать Австрию того времени «образцовой демократией», совсем нет. В том же году, когда Гитлер пришел к власти в Германии, в Австрии власть взял «Отечественный фронт»³⁰ во главе с Энгельбертом Дольфусом. Первое, с чего начала новая власть — запретила все политические партии, кроме самого «Фронта» и тех организаций, что вошли в его состав. Кстати, запрещена была и нацистская партия Австрии. Режим, установившийся в Австрии, называют «австро-фашизмом». Это корпоративная авторитарная система, сильно напоминавшая ту, что уже 10 лет существовала в Италии во главе с Бенито Муссолини. Не удивительно, что фашистская Италия тут же стала важнейшим союзником Австрии — в том числе и против посягательств Германии. В 1934-м году это едва не привело к войне между ними: попытка запрещенных нацистов устроить переворот (Дольфус в ходе него был убит) тут же вызвала в Италии мобилизацию и выдвижение войск к германской границе. Гитлер тогда пошел на попятный, но неприязнь к фашизму у него сохранилась на всю оставшуюся жизнь. Интересно, да: Гитлер — против фашизма? Но так оно и было: фашизм и нацизм (национал-социализм) это очень разные вещи.

Если говорить о конкретном австрийском фашизме («австро-фашизме»), то он, для начала, вообще игнорировал все расовые теории. Любой, условно говоря, «негр преклонных годов» мог считаться австрийцем, если признавал Австрию своей единственной родиной. Интересный факт: в состав «Отечественного фронта» вошла крупнейшая тогда в Европе военнизированная организация «Союз еврейских фронтовиков» (Bund Juedischer Frontsoldaten). Понятно, что для Гитлера это было в корне неприемлемо.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Италия, верный защитник Австрии, вторглась в Эфиопию. Что, в свою очередь, создало угрозу африканским владениям Британии. В возникшей конфронтации Италия осталась в одиночестве, и против Британии ей пришлось налаживать отношения с Гитлером — с тем самым, с кем они всего за пару лет до того чуть войну не устроили. В 1936-м году Германия, Италия и Япония заключают «договор Оси». И Австрия остается без защиты.

Да, Версальским договором и рядом дополнительных соглашений 20-х годов «воссоединение» (Anschluss) Австрии с Германией запрещалось. Но к середине 30-х от Версальского договора и всей «версальской системы» уже мало что осталось. Германия прекратила платить репарации. Германия присоединила Рейнскую область. Германия добилась отмены запретов на создание армии и флота. Воевать за условия Версальского договора желающих не было. С точки зрения француза или британца, австрийцам виднее, жить им в Германии или в независимой Австрии. В конце концов, право на самоопределение народов работает в обе стороны. И когда Гитлер в феврале 1938 года предъявил канцлеру Австрии Курту Шушингу ультиматум, тому пришлось согласиться. Шушинг попытался взять реванш, назначив референдум о независимости Австрии. Но его вынудили уйти в отставку, а Гитлер отдал приказ о вторжении Вермахта в Австрию. Австрийская армия сопротивления не оказывала, население в целом отнеслось к «воссоединению» либо положительно, либо безразлично. Первый шаг «собираения германского ядра» был сделан.

Кстати, единственной страной, кто выразил официальный протест против агрессии Германии против Австрии и ее насильственного захвата, была Мексика. Все остальные ограничились разговорами, в том числе и СССР.

Вспомним, что в первоначальном составе Германской Австрии были еще Судетская область и некоторые другие районы будущей Чехословакии. Вновь возникшее государство чехов и словаков, пользуясь симпатиями Франции, эти территории присоединило себе — разумеется, без всяких плебисцитов, вообще не интересуясь мнением населявших их людей. А там,

³⁰ Vaterländische Front

ни много, ни мало, жило более 3 миллионов немецкоговорящих жителей. В целом по Чехословакии немцы составляли 24 процента населения, а в Судетах порядка 90 процентов.

Но, как часто бывает в молодых государствах, тенденция «государства чехов и словаков» в Чехословакии была ощутимой. Немецкий язык не одобрялся, его не преподавали в школах. Плюс к этому добавились и вполне объективные проблемы. Во время Великой Депрессии 1929 года, ударившей по-разному по всем странам мира, судетским немцам досталось сильнее остального населения Чехословакии. Они в основном были заняты в промышленности, ориентированной на экспорт, а в годы кризиса, фактически разрушившего мировую финансовую систему, именно экспортные отрасли пострадали больше всего. И к 1936 году 60 процентов безработных в Чехословакии были немцами. Навряд ли это было коварным замыслом чехословацких властей, но реакция немцев была вполне предсказуемой. Они ощущали себя в Чехословакии «вторым сортом».

Конрад Гейнлейн, солдат-фронтовик, участник Первой Мировой войны, возглавил «народное движение» судетских немцев. В 1933 году он основал Судетскую немецкую партию, сразу же ставшую самой популярной среди немецкоязычного населения. Хотя первоначально требования судетских немцев сводились к территориальной автономии, чехословацкие правительство сделало все, чтобы обострить конфликт.

Президент Чехословакии Эдвард Бенеш предложили Гитлеру переселить судетских немцев в Германию. Гитлер, разумеется, не ответил на это предложение — но прекрасно понял, на чем нужно сыграть свою игру. Судеты, как и вообще «немецкие» районы Чехословакии, были в его планах вторым шагом в собирании немецкого «лебенсраума». И сыграть на этническом конфликте ему сам бог велел.

Проблема с Чехословакией состояла в том, что у нее были соглашения о помощи с Францией (1924 года) и СССР (1935 года). Соглашения эти, правда, были составлены довольно путано. Так, по советско-чехословацкому Договору о взаимной помощи между СССР и Чехословакией от 16 мая 1935 года стороны обещали в случае неспровоцированного нападения извне оказывать друг другу помощь и поддержку. Какую именно и конкретно — в договоре не уточнялось. В этом смысле, впрочем, советско-чехословацкий договор повторял франко-чехословацкий. При этом, «каждая сторона заявляет, что она не связана каким-либо соглашением о помощи, которое противоречило бы настоящим обязательствам». В дополнительном же протоколе, прилагаемом к договору, указывалось, что «оба правительства признают, что они будут осуществлять обязательства по взаимной помощи на условиях, предусмотренных в настоящем Договоре, только в той мере, в какой Франция окажет помощь стороне, ставшей жертвой нападения»³¹. То есть выполнять или не выполнять этот договор, и в какой мере и в какой форме его выполнять, и считать ли нападение на Чехословакию «неспровоцированным» — каждое правительство решало само, фактически оставляя за собой законное право отказаться от обязательств.

Дальнейшие события вполне наглядно показали ничтожность этого договора.

В Германии же полным ходом шла подготовка к «решению судетского вопроса». И хотя некоторые немецкие военные опасались, что это приведет к большой войне, которую они заведомо проиграют, политическое решение Гитлером было принято — отступить он уже не мог (в первую очередь из-за надвигавшегося внутреннего кризиса в Германии). К весне 1938 года план «Грюн» («Зеленый») о войне с Чехословакией был уже готов, и немецкие войска двинулись к границе. В Чехословакии это, разумеется, заметили, и 20 мая 1938 года началась мобилизация чехословацкой армии. Гитлер в свою очередь приказал перенести активные действия на осень.

³¹ Документы внешней политики СССР. Т 18. М., 1973. С. 333 — 336.

Судетская немецкая партия Гейнлейна выдвинула требование территориальной автономии всех проживающих в Чехословакии немцев. Как и ожидалось, правительство Чехословакии сочло эти требования неприемлемыми, и конфликт, который, как казалось, угасает, вновь разгорелся. Попытки Британии наладить переговоры между конфликтующими сторонами оказались неудачны — на уступки никто не шел.

Проблема состояла в том, что формально судетские немцы действовали в рамках права народов на самоопределение — политического принципа, составляющего основу международного права. Со времен Французской революции этот принцип стал основополагающим, хотя его конкретная реализация, понятно, всегда представляла собой спорную проблему. В 1918-1920-м годах именно опираясь на право самоопределения в Восточной Европе возникла целая группа независимых государств — Польша, Венгрия, Австрия, Югославия, сама же Чехословакия. Однако если правом на самоопределение обладают чехи и словаки, что делать с судетскими или моравскими немцами? Со словацкими венграми? Этническая карта Европы всегда была сущей мозаикой, и провести границы строго по этническому признаку всегда было невозможно. Поэтому любое «национальное возрождение» в Европе, особенно в Восточной, неизбежно вело к жесткому конфликту.

Чехословацкое правительство не вызывало симпатий в Британии и Франции в первую очередь именно потому, что допустило у себя этнический конфликт. Чем, спрашивали в Британии и Франции, судетские немцы хуже чехов? Ссылки на «исконные земли» никого не обманывали: в самом деле, едва ли не любую территорию, тем более в Европе, можно назвать «исконной» для многих народов. И побудить французов и британцев воевать за чехов было практически невозможно.

СССР, также формально связанный договором с Чехословакией, не упустил возможности остаться в стороне. Хотя была проведена частичная мобилизация Белорусского и Киевского военных округов, но от какой-то конкретики в отношении помощи Чехословакии СССР воздержался. Официальная советская и после-советская историография делает упор на то, что «западные страны» (Британия и Франция, разумеется) отказались от «равноправных отношений» с СССР. В чем должна была состоять эта «равноправность», конечно же, не уточняется. Скорее всего, имелось в виду — возьмут ли Британия и Франция на себя снабжение СССР в случае войны с Германией всем необходимым для войны, чтобы не повторилась ситуация 1914—1917 года.

Британия и Франция, разумеется, взять на себя таких обязательств не могли. Просто в силу отсутствия у них необходимых ресурсов. Они и сами-то к войне были категорически не готовы. К 1938 году во Франции срок военной службы был сокращен до 1 года, то есть военное обучение было практически сведено на нет. В случае мобилизации в армию Франции призывались необученные резервисты, мало чем отличающиеся от «зеленых» новобранцев. Только-только началось техническое переоснащение армии — танки и авиация Франции представляли собой унылую картину из давно устаревших образцов. Ничем не лучше (если не хуже) было с армией у Британии. В этих условиях наладить масштабную поддержку СССР во время войны они просто не имели возможности.

Ну, а главное, конечно, было в позиции самой Чехословакии. Ведь, по большому счету, это ее самой касалось. Защита своих границ — первая задача всякого суверенного государства, для того оно и создается. Вне зависимости от того, придут ему на помощь союзники или нет. Казалось, поначалу Чехословакия будет защищаться. В сентябре 1938 года, когда Судетская немецкая партия попыталась поднять мятеж, его быстро подавили. В Праге было сформировано новое правительство во главе с генералом Яном Сыровы³², бывшим генеральным инспек-

³² Ян Сыровы, в 1919-1920-м году был командующим Чехо-Словацким корпусом в Сибири, участвовавшим в русской

тором чехословацкой армии. Он скептически относился к возможности в одиночку победить Германию в случае вторжения, но заявил, что армия выполнит приказ правительства, если дело дойдет до войны. То есть решение оставалось за президентом Чехословакии Эдвардом Бенешом.

Преобладает мнение, что Чехословакию «предали союзники» на конференции в Мюнхене, собранной 29 сентября 1938 года. К работе конференции не были допущены ни представители СССР, ни самой Чехословакии. И, между прочим, уже сам этот факт был вполне законным основанием для Чехословакии полностью игнорировать и саму конференцию, и все, что там будет сказано. Тем более, что президент США Франклин Рузвельт предложил собрать конференцию с участием всех заинтересованных сторон — и Чехословакии, и СССР. Но Бенеш от этого уклонился. Британия объявила мобилизацию своего флота, это на тот момент было, пожалуй, все, на что они были способны. СССР подвел войска к границе с Польшей и Румынией. То есть все зависело от позиции самой Чехословакии.

А позицию эту иначе, чем трусливой и капитулянтской назвать невозможно. И в самой нынешней Чехии сегодня об этом говорят вполне открыто³³. Да, наверное, германский Вермахт осенью 1938 года был сильнее армии Чехословакии. Возможно, хотя и не факт. Во всяком случае, серьезного численного превосходства немцы тогда еще не имели. Да и сам только что созданный Вермахт еще был весьма «сырым», не имеющим ни подготовленного личного состава, ни боевого опыта. И уж в сравнении с существующей уже 20 лет чехословацкой армией, имевшей в тылу мощную военную промышленность, он не был столь могучей силой, победа которого была бы неизбежной. Ну а если бы Чехословакия показала, что готова сама себя защищать — тогда и можно было бы ожидать помощи от союзников.

Но этого не случилось.

23 сентября 1938 года в Чехословакии была объявлена всеобщая мобилизация. Развернутая чехословацкая армия имела в своем составе 42 дивизии сухопутных войск, четыре из которых были «быстрыми», то есть механизированными, с танками и мотопехотой. Общая численность ее после мобилизации составила 1,5 миллиона человек³⁴, среди прочего, на вооружении имелось 469 танков и 1582 самолета³⁵.

Вермахт по мобилизации в 1938 году развернул 71 соединение сухопутных войск, в том числе 32 пехотные, четыре моторизованные пехотные, три танковые дивизии, восемь резервных дивизий и 21 дивизию ландвера (народного ополчения), а также три бригады. Действующая армия (без резервистов) насчитывала 1 565 990 человек. Танков у Вермахта было только 720 штук, а Люфтваффе насчитывали 2180 боевых самолетов³⁶. Общая численность Вермахта, включая военно-строительные части, необученных призывников и другие структуры, явно не предназначенные для боевого применения, составляла 3 343 476 человек. Однако сравнивать это число с армией Чехословакии не вполне корректно. Чехословацкая армия существовала уже 20 лет. И имела некоторый боевой опыт (чехо-словацкие легионеры Первой Мировой и русской Гражданской войн, успешные бои с германской армией в 1918-м, с польской — в 1919-20-м, с венгерской — в 1919-м). За два десятилетия структура и мобилизационная готовность чехословацкой армии была уже налажена, а с технической стороны она опиралась на мощную военную промышленность, сложившуюся еще в Австро-Венгерской империи (заводы Шкода имели всемирную славу производителя прекрасного оружия). Вермахт же воз-

Гражданской войне.

³³ Ян Урбан: Миф о мюнхенском предательстве союзников — ложь <https://zpravy.aktualne.cz/domaci/nazory-a-komentare/jan-urban-mytus-o-mnichovske-zrade-spojencu-je-lzi/r~9ec51a2425c111e3909e0025900fea04/>

³⁴ Pacner, Karel. *Osudové okamžiky Československa*. Praha: Nakladatelství BRÁNA, 2012.

³⁵ По крайней мере, именно такое число чехословацкого оружия, доставшегося Германии, называл Гитлер в 1939 году <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/7107>

³⁶ Völker: Die deutsche Luftwaffe 1933—1939.

ник только в 1935 году. Существовавший до того германский Рейхсвер был малочисленным (100 000 человек), и не имел обученного мобилизационного резерва. За три года, прошедшие с момента создания массовой армии — Вермахта — подготовить нужное число боеспособных солдат и офицеров было просто физически невозможно. И на осень 1938 года Вермахт имел 500—600 тысяч более или менее обученных солдат армии мирного времени, плюс 400—500 тысяч резервистов 1-го и 2-го разряда, то есть не более 1 млн. человек, имевших хоть какую-то военную подготовку³⁷. Остальные же были просто переодетыми в униформу гражданскими людьми. Ну, а военная авиация Германии на тот момент была еще, по сути, в зародыше — значительная часть боеспособных летчиков воевали в Испании в составе «Легиона Кондор», а в самом Рейхе личный состав еще только обучался.

Разумеется, в случае реальных боевых действий Германии против Чехословакии обе стороны могли обрести союзников. Так, на стороне Германии вполне могла выступить и Венгрия, имевшая к Чехословакии территориальные претензии. В принципе, учитывая чуть более поздние события, Польша тоже могла попробовать отторгнуть от Чехословакии «Заолзье» (Тешинскую Силезию), в которую поляки реально вторглись после Мюнхена. Но в этом случае союзники были и у Чехословакии. Скажем, в Малую Антанту (военно-политический блок стран Восточной Европы) входила, кроме Чехословакии, и Румыния, и именно против Венгрии, с которой у Румынии тоже были весьма застарелые территориальные конфликты. А в случае вторжения Польши Чехословакия уже вполне могла рассчитывать на прямое участие СССР — ведь в этом случае советской Красной армии уже не требовалось просить о «свободном проходе» через польскую территорию — она вступала в войну прямо и непосредственно против страны, напавшей на ее союзника. Да и старые польско-советские «недоразумения», безусловно, свою роль играли — как бы даже не больше, чем обязательства перед Чехословакией.

СССР к войне против Германии готовился вполне определенно и конкретно. В условиях чехословацкого кризиса 1938 г., чреватого возникновением войны, в которой в силу своих союзнических обязательств в отношении Чехословакии и Франции должен был принять участие и СССР, советское руководство 26 июня 1938 г. приняло решение о формировании 6 армейских групп в Белорусском (БВО) и Киевском (КВО) военных округах. Согласно приказу наркома обороны №0151 от 26 июля 1938 г. БВО был переименован в особый военный округ (БОВО), и в его составе были сформированы Витебская армейская группа (АГ) (на базе управления 4-го стрелкового корпуса), в которую входили войска, расположенные на территории Витебской и Минской областей, и Бобруйская АГ (на базе управления 5-го стрелкового корпуса), объединявшая войска на территории Могилевской, Гомельской и Полесской областей. Согласно приказу наркома обороны №0152 от 26 июля 1938 г. КВО был переименован в особый военный округ (КОВО), и в его составе были сформированы Житомирская АГ (на базе управления 8-го стрелкового корпуса), войска которой дислоцировались на территории Черниговской, Киевской и Житомирской областей. Винницкая АГ (на базе управления 17-го стрелкового корпуса), объединявшая войска на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей, Одесская АГ (на базе управления 6-го стрелкового корпуса), в которую входили войска, расположенные в Николаевской области и Молдавской АССР, и Кавалерийская АГ в составе 2-го и 4-го кавкорпусов³⁸. Разумеется, не в деталях, и не так конкретно (с указанием номеров частей и соединений), все эти приготовления были прекрасно известны в Германии. Не могли не быть известны. Однозначная антигерманская позиция СССР была продемонстрирована немцам вполне четко и понятно.

³⁷ Б. Мюллер-Гильдебранд. Сухопутная армия Германии, 1933—1945. «Изографус» Москва, 2002

³⁸ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. — М.: Вече, 2000.

Но, как известно, случилось то, что случилось. Чехословакия в лице президента Эдварда Бенеша защищаться отказалась, предпочтя сдаться. Важно подчеркнуть еще раз, что ссылки на «предательство союзников» тут совершенно неуместны. Осенью 1938 года в военном отношении Чехословакия была сильнее Британии, и сравнима по вооруженной силе с Францией. И вполне могла хотя бы некоторое время (от трех месяцев до полугода) противостоять всей армии Германии, которая в тот момент еще только создавалась. Отказ Чехословакии защищаться сделал неуместным и вмешательство ее номинальных и вероятных союзников — кому надо рисковать жизнями своих сограждан, защищая тех, кто сам себя защитить не желает? Чехословацкое государство получило то, что само себе подготовило своей политической позицией (что, конечно же, ни в коей мере не оправдывает гитлеровскую Германию как агрессора).

Кроме того, тезис о «мюнхенском предательстве» неуместен и вот еще почему. Все, кто высказывают свои мнения и версии на эту тему, почему-то забывают одно. 27 августа 1928 года в Париже 15-ю государствами (среди них — Германия, США, Франция, Британия со своими доминионами, Бельгия, ну и сама Чехословакия, конечно) подписали так называемый «Пакт Келлога-Бриана». СССР к нему присоединился 29 августа того же 1928 года, и до конца года его приняли всего 63 государства — практически все, существовавшие на тот момент суверенные державы.

О чем этот Пакт? Он в своей содержательной части очень короткий:

«Статья I

Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют от имени своих народов по принадлежности, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях, в качестве орудия национальной политики.

Статья II

Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров или конфликтов, какого бы характера или какого бы происхождения они не были, должно всегда изыскиваться только в мирных средствах».

Есть там еще Статья III — но она уже процедурная, о порядке присоединения новых стран к этому Пакту³⁹.

По сути, Пакт Келлога-Бриана запрещают войну. Всякую. Справедливую и несправедливую (впрочем, категория «справедливость» весьма не проста, и каждый считает «справедливой» свою позицию, а своего оппонента — «несправедливым»). И каждый, кто начинает войну — нарушитель Пакта, международный преступник. Между прочим, этот Пакт действует до сих пор. Нарушение его стало одним из главных оснований осуждения руководства Третьего Рейха на Нюрнбергском процессе. Именно сам факт, что инициатором войны стала Германия, и сделала ее вождей преступниками.

Именно поэтому Франция и Британия пытались уговорить Гитлера, но не угрожать ему военными силами. Просто они пытались оставаться в правовом поле, не хотели становиться преступниками. В рамках того международного права, которое сами же и создавали. Было бы довольно странно, если Франция, министр иностранных дел которой Аристид Бриан и дал имя этому Пакту, стала бы его первым нарушителем. Одно это раз и навсегда поставило бы на много лет крест на всех попытках выработать хоть какие-то международные правила поведения. Если уж французы сами плюют на свою же инициативу — кто мешает плевать на все их выдумки любому полевому командиру или самозваному тирану?

³⁹ <https://docs.cntd.ru/document/901786550>

Это обстоятельство, к слову сказать, остается важным и для понимания всех последующих событий.

Судетский кризис стал важнейшей поворотной вехой в происхождении Второй Мировой войны. И даже не только в том, что Германия получила дополнительную важную промышленную базу, впоследствии сыгравшую видную роль в снабжении Вермахта военными материалами. Именно в это время и сложились основные коалиции будущих участников войны. Все определились — кто, с кем и против кого. И если с Британией все было ясно с самого начала, то здесь в нашей теме важнее всего понять позицию СССР. Он непреклонно и однозначно занял четко выраженную анти-германскую позицию, выразив полную готовность выступить против Германии. Разумеется, на определенных условиях. И важно то, что эта его позиция оставалась неизменной все последующее время.

Точка невозврата

«Собирание германского ядра», объявленное Гитлером на конференции 5 ноября 1937 года, разворачивалось по намеченному плану. Австрия, причем в границах «Германской Австрии» образца 1918 года, была успешно и без войны присоединена к Германскому Рейху. Противники Гитлера в самой Германии (а их было не так уж мало — и в армии, и в дипломатических кругах, кто опасался противодействия Британии и Франции) были посрамлены. Агрессивный, атакующий стиль Гитлера давал результаты.

«Германское ядро», однако, этими землями не ограничивалось. В середине 1938 года, по нацистским критериям, за восточными границами Рейха проживало около 8,6 миллионов немцев. В Чехословакии (в основном в Судетской области, уже присоединенной к «исторической родине») их было 3,5 миллиона. В Польше («Польский коридор», Восточная Верхняя Силезия) — немного более 1 миллиона. Чуть меньше миллиона немцев было в Румынии. В Венгрии — 0,6 миллиона, в Югославии — 0,55 миллиона, в Советском Союзе 1,15 миллиона, и еще 0,6 миллиона в Прибалтике (Эстонии, Латвии, Литве и в Вольном городе Данциге)⁴⁰.

Именно Данциг и разделяющее его с «коренной» Германией пространство («Польский коридор») стали следующей целью Гитлера.

Создание независимой Польши было одним из результатов Первой Мировой войны. Было это весьма запутанным и драматическим делом. О независимости Польши говорили еще до войны, с одним из российских великих князей в качестве короля. В ходе войны российская территория Польши была занята в основном германской армией, а значительная ее часть и прежде входила в состав Австро-Венгрии.

В 1915 году территория российской Польши была разделена Германией и Австро-Венгрией на два генерал-губернаторства. И та, и другая империи строили свои планы создания польского государства под своей эгидой. В ноябре 1916 года объявляется о создании королевства Польского по германскому образцу. Вскоре в Варшаву прибывают польские легионы, ранее созданные в армии Австро-Венгрии, как основа будущей армии королевства Польского, и создается польский государственный совет. 22 января 1917 года президент США Вудро Вильсон обращается к воюющим странам с декларацией из 14-ти пунктов, среди которых — создание независимой Польши. Целый год декларированное Польское королевство остается в общем фикцией, и все больше поляков связывают свои планы на будущее с победой Антанты, а не с Германией и Австро-Венгрией. Наконец, 9 февраля 1918 года Украина подписывает свой Брестский мир, отдельно от советской России. По этому миру австро-венгерская Галиция отходит Украине, а не Польше, на что надеялись поляки. Понятно, что в Варшаве это восприняли как предательство, и все надежды связывали с поражением Германии. Оно не заставило себя ждать слишком долго, уже к осени того же 1918 года войска Антанты по всему Западному фронту перешли в общее наступление. 7 октября 1918 года провозглашается независимость Польши, а в день Компьенского перемирия, 11 ноября, вся государственная власть передается в руки «начальника государства» Юзефа Пилсудского.

Проблема была в том, что с границами новообразованной Польши не было никакой ясности. Галиция, по Брестскому миру, отходила к Украине, но поляки считали ее «своей исконной землей» (во Львове, столице Галиции, польское и украинское население было примерно равным). При распаде Австро-Венгрии австрийские власти передали полномочия Украинскому национальному совету во Львове, а в других районах Галиции власть берет в свои руки Поль-

⁴⁰ [Detlef Brandes](#), [Holm Sundhaussen](#), Stefan Troebst: Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts. Böhlau, Wien/Köln/Weimar 2010

ский ликвидационный комитет. Начинается польско-украинская война. В это же время возникает независимая Литва, Белорусская народная республика — и со всеми ними у Польши возникают самые серьезные территориальные споры. Так, город Вильно (Вильнюс), родина Юзефа Пилсудского, считался в Польше безусловно польским городом — а в Литве его считали своей столицей. С только что образованной Чехословакией у Польши возникло вооруженное противостояние за Тешинскую Силезию (Заолзье).

Ну и самые жесткие конфликты у Польши возникли, конечно, с Германией. По декларации Вильсона и решениям Версальского мира Польша должна была получить выход к Балтийскому морю. Ей передали «польский коридор» — фактически Западную Пруссию бывшей Германской империи. Но основной порт в этом месте — Данциг (ныне Гданьск) был на 90 процентов населен немцами. Просто присоединить его к Польше, вопреки желанию населения, никто не решился. Поэтому приняли решение «и нашим, и вашим». Был образован Вольный город Данциг, контроль за внешней политикой в котором поручался Польше. Польша претендовала на Силезию, но немцы считали ее, безусловно, своей землей, и там развернулись нешуточные сражения между польской армией и добровольческими «штурмовыми отрядами» немцев. Именно там и тогда, в ходе боев за Силезию, и возникли те самые «штурмовики», из которых впоследствии сложились СА и СС, игравшие громадную роль в партии Гитлера НСДАП и в государственной системе Третьего Рейха.

Таким образом, получившая независимость Польша сразу же, с первых дней существования, напрочь испортила отношения буквально со всеми своими соседями. Польско-украинская война перешла в советско-польскую, после чего Украина и Белоруссия вошли в состав СССР. И польско-украинский конфликт стал польско-советским. Мирный договор с Литвой, заключенный в 1920-м, Польша тут же нарушила, отняв у Литвы Вильнюс, и с тех пор Польша и Литва формально оставались в состоянии войны до 1939 года.

Попытки как-то нормализовать отношения между Польшей и Германией были непоследовательны и, в общем, ничего не изменили. Ну, а когда Гитлер объявил и начал реализацию своей программы «собираания германского ядра», стало понятно, что очередь Польши не за горами.

Хотя «присмотр» за Данцигом и доверили Польше, отношения между ней и Вольным городом нельзя назвать добрыми. В 1920-м, в разгар советско-польской войны, когда шло наступление армий Тухачевского на Варшаву, докеры Данцига отказались разгружать суда с военными грузами для Польши. Тогда вышли из положения, наладив разгрузку силами солдат. Но было ясно, что ради Польши жители Данцига стараться не будут. Вскоре Польша начала строить свой порт на Балтике — Гдыню, неподалеку от Данцига. Новый порт перехватил у старого изрядную часть грузопотока, и Данциг частично утратил свое выгодное положение. Что, конечно же, плохо сказалось на уровне жизни и вызвало еще больше раздражения против поляков. С начала 30-х в Данциге заметно снижается грузопоток, а значит — и уровень жизни горожан ухудшается. И в Данциге усиливаются желания «вернуться в Германию», присоединиться к «исторической родине», в надежде, что так будет лучше. Не удивительно, что партия НСДАП, ставящая программной целью «объединение немецкого ядра», в Данциге становится популярной и приходит к власти.

Польша, имея и помимо Данцига множество территориальных споров с Германией, надеялась на франко-польский союз, и об уступках не желала и слышать. Правда, и в Польше были политические силы, искавшие другие формы межгосударственных союзов, кроме Франции. Так, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек, в развитие мыслей Юзефа Пилсудского, строил планы создания блока восточно-европейских государств (Польши, Румынии, Прибалтики, Финляндии), в котором предполагалось и место для Германии. Но, конечно же, лидер-

ство в этом союзе Бек видел именно у Польши, что, понятное дело, Германия не приняла бы никогда. Поэтому польско-германский конфликт становился неизбежным.

И когда Гитлер завершил воссоединение (аншлюс) Австрии и присоединение Судетской области, настал черед Польши.

Сразу же после Мюнхенской конференции, 24 октября 1938 года, министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп потребовал у Польши согласия на включение Данцига в состав Германии, и проведения в Восточную Пруссию автомобильной дороги, на которой бы не действовали польские законы. Вполне ожидаемо, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек это предложение отверг, заявив, что любое польское правительство, которое согласится на такое, будет свергнуто за измену национальным интересам.

10 ноября 1938 года Гитлер выступил перед немецкими журналистами, рассказал им об отказе Польши и предложил отныне писать для германского народа так, как будто уже идет война, которую он уже считал неизбежной. В узком кругу Гитлер подчеркивал, что сам по себе Данциг — только повод, а речь идет о принуждении Польши возратить все бывшие территории Германии, которые у нее были отторгнуты по Версальскому договору.

Польша, в свою очередь, была ключевой частью «системы союзов», которые после Первой Мировой войны Франция создавала в Восточной Европе. В отличие от Чехословакии, которая сдалась без сопротивления, Польша вела себя очень непреклонно, не желая и слышать ни о каких территориальных уступках. И вопрос о войне стал вполне реальным. Избежать ее, как было с Судетским кризисом, было уже невозможно.

В нынешней Польше есть историки, которые полагают, что возможность договориться у Польши с Германией была. Например, Павел Вечоркевич полагает, что не так страшен черт, как его малюют, и Польша в 1939 году вполне могла стать союзником Германии, как стали Венгрия и Румыния⁴¹. Со всем уважением к польскому профессору, его позиция не выглядит убедительной. Во-первых, Венгрия и Румыния не получали земель, отторгнутых от Германии, в отличие от Польши. Венгрия, как часть бывшей Австро-Венгерской империи, сама была союзником Германии в Первой Мировой войне, и также понесла очень серьезные территориальные потери по ее итогам. Не удивительно, что двое «обиженных» вступили в союз против обидчиков. С Румынией все сложнее, в прошлой войне она воевала против Австро-Венгрии и была среди тех, кто «обкусал» венгерскую территорию. Но у Германии Румыния ничего не отторгала, и после ряда драматических внешне- и внутривосточных событий (аннексия Венгрией Трансильвании, СССР — Бессарабии, и, как следствие — переворота Антонеску) Румыния стала союзником Германии. Но не раньше. Польша же для любого немца в 1939 году выглядела как «обидчик номер один», воспользовавшийся чужой победой чтобы «огрбить» Германию. Без последствий это остаться не могло.

Вполне понимали это и в самой Польше. Министра иностранных дел Юзефа Бека часто называют «прогерманским», сторонником сближения с Германией. Это отчасти верно, но с одной оговоркой. Бек был за союз с Германией (даже взамен союза с Францией), но только под польским главенством. Что, понятное дело, было попросту исключено даже с другим, более «мягким» лидером Германии, чем Гитлер. Риббентроп же предложил Беку, помимо территориальных уступок, вступить в Антикоминтерновский пакт — то есть стать однозначно «вторым номером» в возможном союзе. Для Польши были исключены все пункты этого предложения. Да, можно сколько угодно рассуждать про «польский гонор», но ждать, что Польша сдастся без боя, как сдалась Чехословакия, было, разумеется, невозможно. 5 мая 1939 года Юзеф Бек выступил перед польским Сеймом, докладывая о немецких предложениях. «Мир — вещь ценная и желанная. Наше поколение, обескровленное войнами, безусловно, заслуживает периода

⁴¹ Rzeczpospolita (Польша): Польская война. Беседа с профессором Павлом Вечоркевичем в 66-годовщину советской агрессии против Польши <https://inosmi.ru/20050929/222599.html>

мира. Но мир, как и почти все вещи в этом мире, имеет свою цену, высокую, но достойную. Мы в Польше не знаем понятия мира любой ценой. В жизни людей, наций и государств есть только одно, что не имеет цены. Это честь». Позиция, которую многие сочтут авантюрой — но на тот момент вряд ли польский министр мог рассуждать иначе.

С каждым месяцем ситуация все больше обострялась. В Данциге произошли уличные побоища между немцами и поляками. Гитлер выступал с резкими и угрожающими речами. Не уступали ему и поляки. Тот же Юзеф Бек 23 июля 1939 года заявил Карлу Буркхардту, верховному комиссару Лиги Наций в Данциге: «Вермахт нельзя сравнивать с германской имперской армией 1914 года. Однако наши собственные вооруженные силы готовы к гибкой, продолжительной маневренной войне. Вас ждут большие сюрпризы»⁴².

Свои возможности к сопротивлению Германии поляки оценивали весьма высоко. Людвиг Бек на встрече со специальным послом США Джозефом Дэвисом 25 августа 1939 года заявил: «Если Германия нападет, польские войска будут в Берлине в течение трех недель»⁴³. До вторжения Вермахта оставалось шесть дней.

С самого начала своего существования Польша озаботилась сильными союзниками. В первую очередь, конечно, речь шла о Франции, победительнице в Первой Мировой войне. Еще во время войны Польши с Украиной и Советской Россией Франция оказывала Польше существенную помощь — оружием, добровольцами и военными советниками. Еще шла война, и до ее окончания было далеко, когда «начальник Польского государства» Юзеф Пилсудский и президент Франции Александр Мильеран обсудили пакет союзных договоров между двумя странами — политический, военный и экономический. Политический союз был заключен 19 февраля 1921 года, а через два дня был составлен военный пакт, направленный и против Германии, и против Советской России, в которых Польша видела себе угрозу. В то же время, согласно этому пакту, Франция обязалась помогать Польше оружием, но не требовал от нее посылать войска против агрессора или объявлять ему войну. В 1925 году этот франко-польский союз был подтвержден новым договором, в рамках Локарнских соглашений, заключенных между Германией, Францией, Великобританией, Бельгией, Италией, Польшей и Чехословакией. Однако проблемой оставалось то, что Германия, признав нерушимость новой границы с Францией и Бельгией, таких обязательств в отношении Польши и Чехословакии не взяла. Поляки Локарнскими соглашениями остались весьма недовольны. Разумеется, придя к власти, Гитлер вскоре (март 1936 года) отверг Локарнские соглашения и ввел германские войска в Рейнскую область, объяснив это правом Германии на самоопределение. Реакция в Британии и Франции была слабой — в конце концов, говорили в Лондоне, немцы просто забирают себе свою же территорию.

Таким образом, в 30-е годы союзников у Польши фактически не осталось.

С возникновением «Данцигского кризиса» вновь возобновились тесные контакты по формированию нового франко-польского союза. Союзная конвенция была подписана 19 мая 1939 года, однако ее ратифицировали во Франции только 4 сентября, когда Германия уже начала вторжение в Польшу, и Франция уже объявила Германии войну. Составлена конвенция была довольно неопределенно, и не содержала в себе каких-то конкретных обязательств сторон. Так что рассчитывать на нее полякам было бы опрометчиво.

Дело в том, что Франция, пережившая крайне разрушительную войну с Германией на своей территории, понесшая громадные потери, вовсе не стремилась воевать с немцами снова. Тем более — за Данциг, который то ли польский, то ли немецкий, населен немцами, хочет быть Германией, но Польша против... Убедить французов снова пойти на кровопролитную войну

⁴² Carl Jacob Burckhardt: Meine Danziger Mission 1937—1939. dtv München 1962

⁴³ Manfred Vasold: August 1939. Die letzten Tage vor Ausbruch des Zweiten Weltkriegs. Reinbek 2001

непонятно за что было сложно. Тем более, в 20-30-е годы Франция откровенно «отдыхала от войны». Срок службы в армии был сокращен до 1 года, что категорически исключало саму возможность создания обученного мобилизационного резерва, и, следовательно — мобилизации полноценной армии Франции. Только с середины 30-х годов Франция, после многолетнего перерыва, озаботилась техническим перевооружением армии и авиации — до того в войсках были образцы вооружения Первой Мировой войны, лишь слегка модифицированные. Понимая, что в таких условиях война с Германией дает мало шансов на победу, Франция обратилась за поддержкой к Британии, с которой у нее было масса разногласий еще со времен Версальского договора. Британцы не одобряли суровых и жестких мер против Германии, понимая, что ущемление ее прав и возможностей развития приведет только к озлоблению и жажде реванша. К тому же и сама Британия в военном отношении была весьма слаба. После Первой Мировой войны британская военная авиация практически остановилась в развитии. Родина танков, Британия в течение 1920-х годов усердно занималась развитием техники и тактики этого рода войск. В это время были созданы новые машины, ставшие предметом подражания буквально во всем мире. Британская армия создала экспериментальный механизированный корпус — впервые в мире, в СССР, в Германии, в США этой темой стали заниматься именно по примеру британцев. Но с началом 30-х годов, во многом из-за Великой Депрессии, все военные темы быстро свернули. И к 1939 году Британия подошла практически без танков — их попросту разучились делать.

Столкнувшись с быстро растущей угрозой реванша со стороны Германии, занявшейся усилением и развитием своих вооруженных сил, Британия пыталась принять меры. В авиации были приняты на вооружение новые образцы истребителей — «Харрикейн», и «Спитфайр», вскоре ставшие легендой Второй Мировой войны. С сухопутной же армией, в том числе и с танками, дело обстояло куда хуже. На 1 сентября 1939 года, когда Вермахт начал вторжение в Польшу, армия Британии имела всего три современных танка «Матильда». Все остальное было совершенно устаревшим сборищем разномастных образцов. Понимая ситуацию, британцы пытались создать против Германии широкую европейскую коалицию, включая Британию, Францию, Польшу и СССР. Проблема состояла в том, что между предполагаемыми участниками коалиции хватало собственных застарелых обид, претензий и нерешенных проблем.

Ситуация вокруг Данцига тем временем все больше обострялась. Нет сомнения, что руководство Третьего Рейха «прощупывало» реакцию и самой Польши, и других крупных стран Европы — как они на это среагируют. При этом Германия наращивала свои претензии постепенно. Общий же замысел Гитлер внятно изложил в своем выступлении перед военным руководством 23 мая 1939 года.

Основные тезисы своей политики в отношении Польши Гитлер изложил вполне откровенно:

«Польша не является дополнительным врагом. Польша всегда будет на стороне наших противников. Несмотря на соглашения о дружбе, в Польше всегда существовало внутреннее намерение использовать любую возможность против нас.

Данциг не является объектом, о котором идет речь. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на востоке и обеспечении продовольственного снабжения, а также решении балтийской проблемы. Запасы продовольствия возможны только из мест, где мало населения»⁴⁴.

С учетом этого, конечно, вполне понятно, что нынешние надежды польских историков, что с Германией можно было бы как-то «договориться» выглядят совершенно необоснован-

⁴⁴ <https://www.ns-archiv.de/krieg/1939/schmundt/23-05-1939-schmundt.php>

ными. Данцигом претензии Гитлера не ограничивались. Восстановление восточной границы Германии — вот что подразумевалось под словами «жизненное пространство на Востоке». Кроме Польши, претензии Гитлера распространялись на литовскую Клайпеду (бывший германский Мемель), и, пока прибалтийские республики, Латвия, Литва и Эстония были независимыми — возможно, и на них самих.

После этого, как указывал Гитлер, должен был встать вопрос о возвращении Германии ее бывших африканских и азиатских колоний. Но здесь решение вопроса выглядело намного сложнее. В ходе нескольких бесед, проведенных послом Германии в Лондоне Дирксеном с британскими министрами стало ясно, быстрого и легкого решения эта проблема не имеет. Как писал посол в своем отчете в Берлин, «на практике требование о возвращении немецкой Восточной Африки наталкивается пока еще на сильное сопротивление в определенных кругах; в вопросе о немецкой Юго-Западной Африке дела от этого отличаются немногим»⁴⁵. Еврейские погромы («Хрустальная ночь»), прошедшие в Германии в ноябре 1938 года, вызвали бурную реакцию и в самих Британии и США, и в британских колониях. После чего ставить вопрос о передаче Того или Танганьики Германии стало весьма не актуальным. Решение этого вопроса Гитлер решил оставить на более поздние времена.

26 марта 1939 года польское правительство окончательно отвергло требования Германии. Еще до этого, 23 марта, началась частичная мобилизация польской армии. А 31 марта британский Парламент по предложению главы правительства Невилла Чемберлена пообещал Польше «всю возможную поддержку в случае любого действия, которое бы угрожало польской независимости». Британские военные, впрочем, уже тогда отметили, что помочь чем-то реальным Британия Польше не в силах — просто за отсутствием и вменяемой армии, и серьезной военной авиации. Единственное, что в качестве военной силы было на тот момент у Британии — ее военный флот. Но этого явно было недостаточно.

Британская декларация о «гарантиях» Польше часто рассматривается как одно из «роковых решений», подтолкнувших Польшу на излишне жесткую позицию против Германии. Однако вряд ли эта декларация сыграла существенную роль. Сама предыстория возникновения Польского государства в 1918 году, более чем вековая борьба поляков за восстановление Польши, бурная история его создания и установления границ попросту исключала всякие территориальные уступки. Это можно считать романтической неадекватностью поляков, но в той ситуации общественное мнение Польши иным и не могло быть. Была бы британская «гарантия» объявлена или нет — позиция Польши о границах с Германией, о включении Данцига в состав Германии могла быть только очень резко отрицательной.

Тем временем ситуация обострялась. Отношения с Францией у Польши испортились из-за нежелания французов идти на обострение с Германией из-за Данцига. Британцы, понимая свою слабость в сухопутных делах и не испытывая доверия к Франции, стали искать новых союзников. И, разумеется, Россия — пусть и советская, в форме СССР — по старой памяти стояла на первом месте.

В первых числах марта 1939 года премьер-министр Британии Невилл Чемберлен принял ряд демаршей в сторону СССР, намекая на более тесные союзные отношения. Начались переговоры о новом, более широком торговом соглашении. Разумеется, Чемберлен не был единственным, да наверное, и главным инициатором этой перемены политики — на него сильно давила оппозиция в Парламенте, самым активным фигурантом которой был Уинстон Черчилль, бывший во время Первой Мировой войны Первым Лордом Адмиралтейства, инициатором Галиполлийской операции в помощь российской армии на Кавказе и в Галиции.

⁴⁵ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945, Serie D. Bd. IV. Baden-Baden, 1951, S. 277—278. Цит. По сборнику «Год кризиса».

Черчилль не забыл про прежний союз, и надеялся восстановить прежнюю Антанту в составе Британии, Франции и России (пусть последняя и стала коммунистическим СССР — идеология в политике всегда мало что значит). Эти британские демарши не остались незамеченными в Москве. 10 марта 1939 года генеральный секретарь ЦК ВКП (б) Иосиф Сталин выступил с отчетным докладом на XVIII съезде, где довольно четко обозначил направления внешней политики СССР.

Нельзя не отметить адекватность понимания докладчиком раскладки политических сил того времени. Разумеется, его не ввело в заблуждение то, что союзные отношения Германии, Италии и Японии называются «Антикоминтерновским пактом». Многие полагали, что этот союз направлен против коммунизма как идеологии и государств с коммунистической партией во главе руководства — то есть против СССР (других тогда, собственно, и не было).

Однако все заинтересованные лица, в общем, понимали, что «антикоминтерновского» в этом пакте только название. «Так называемый антикоминтерновский пакт отнюдь не направлен против СССР или исключительно против него, — говорил нарком иностранных дел Максим Литвинов, — но также против Англии, Франции и даже Америки. Это доказано тем спором, который в настоящее время ведется между участниками пакта, из которых каждый хочет, чтобы острие пакта было направлено против наиболее интересующего его противника»⁴⁶.

«Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! «Мы» ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств, — саркастически говорил Сталин на трибуне съезда. — Если не верите, читайте «антикоминтерновский пакт», заключенный между Италией, Германией и Японией.

Так думали обработать общественное мнение господ агрессоры, хотя нетрудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко»⁴⁷.

Самого Сталина, разумеется, вся эта «антикоминтерновская риторика» с толку не сбивала. Он, старый политический интриган, прекрасно понимал разницу между политической пропагандой и политическими интересами правителей.

Пожурив по традиции США, Британию и Францию за «уступчивость» и «нерешительность», Сталин вполне ясно дал понять, что СССР всегда готов вернуться в прежнюю конфигурацию союза с Британией и Францией против Германии. И эта мысль была понята правильно теми, кому она была адресована.

Через несколько дней Уинстон Черчилль в беседе с послом СССР в Лондоне Иваном Майским положительно оценил речь Сталина и высказал надежду, что это не означает отказа от возможного союза против Германии. В Румынии, где очень опасались агрессии дружественной с Германией Венгрии, речь Сталина вообще вызвала чуть ли не энтузиазм — ее рассматривали как обещание помощи и защиты⁴⁸. Таким образом, контуры будущего союза начали складываться. Но на тот момент — лишь самые общие.

В самой Германии позиция СССР была понятна с самого начала. Еще во время Судетского кризиса СССР провел частичную мобилизацию Белорусского и Киевского военных округов, создав на своей западной границе сильный военный кулак, превосходящий тогдашний слабый и плохо обученный Вермахт. Только отказ самой Чехословакии от сопротивления не дал СССР возможности привести свои угрозы в действие. С началом нового кризиса СССР снова, не менее откровенно, обозначил свою позицию против Германии, несмотря на то, что

⁴⁶ АВП СССР, ф. 0122, оп. 23, п. 183, д. 6, л. 39—43. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 304—307.

⁴⁷ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 11 — 15.

⁴⁸ АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 173—175.

на этот раз речь шла о Польше — стране, с которой у СССР хороших отношений, не говоря о союзных, не было никогда.

Направления германских интересов вполне ясно обозначил советник бюро министра иностранных дел Германии доктор П. Клейст⁴⁹. По его словам, все действия, предпринимаемые Германией на Востоке и Юго-Востоке Европы являются обеспечением будущего наступления против Франции и Британии. Стратегическая цель такого наступления состоит в возврате прежних германских колоний, установления гегемонии Германии в Европе, а война против Польши станет только прикрытием тыла для решительных действий на Западе. Война против СССР не исключалась (военные приготовления и угрозы не остались незамеченными, и на нейтралитет СССР особой надежды не было), но эта проблема оставлялась на потом. По крайней мере, на тот момент вступления СССР в войну в Германии надеялись избежать.

15 марта 1939 года была поставлена окончательная точка Судетского кризиса. Чехословакия, лишившись Судетской области, пребывала в глубоком политическом кризисе. В конце концов, восточная ее часть — Словакия — объявила о своей независимости. Оставшаяся часть — сильно урезанная территориально Чехия — обратилась к Германии за защитой, и стала Протекторатом Богемия и Моравия. Британия и Франция выступили с протестами, указывая, что это не соответствует Мюнхенскому соглашению. Однако из Берлина ответили, что тогда речь шла о единой Чехословакии, а теперь она развалилась. И Чехия добровольно приняла покровительство Германии. Формально возразить было нечего. Французам, например, довольно резко было сказано, что это их вообще не касается⁵⁰. Риторика противоборствующих сторон становилась все более жесткой.

И, наконец, всем стало ясно, что война стала неизбежной. Вот только никто к ней был не готов.

Гитлер раскрыл свои карты в узком кругу военных руководителей Третьего Рейха 23 мая 1939 года⁵¹.

Во-первых, сказал он, Польша всегда будет на стороне противников Германии, несмотря на любые соглашения о мире и дружбе. Данциг, сказал Гитлер, сам по себе проблемой не является, он лишь повод. Речь идет именно о «жизненном пространстве» для Германии — а оно и есть территория Польши. Она необходима Германии для дальнейшего, главного противостояния с Британией. Британия — главный враг Германии, и борьба с нею — это вопрос жизни и смерти. Для Британии гегемония Германии в Европе неприемлема, она на это никогда не согласится.

Сама Британия сильна на море, но слаба на суше. Ее сухопутные силы — это Франция и, возможно, Россия. Этот союз — Британия, Франция, Россия — против Германии требует от последней тесного союза с Италией и Японией, как самыми близкими по духу и интересам странами.

Эта война будет долгой. Хотелось бы, говорил Гитлер, чтобы все разрешилось быстро, но надеяться на это не стоит. В 1914-м году все тоже надеялись на быструю войну. Но не получилось. Сейчас надо рассчитывать на войну продолжительностью в 10—12 лет. Для этого, по словам Гитлера, и нужно «жизненное пространство» собственно Германии в виде территории Польши, а также дружественное окружение Юго-Восточной Европы — Венгрия, Румыния, Балканские страны. С этим «жизненным пространством» есть возможность победить Францию, а после этого уже взяться за главного врага — Британию.

⁴⁹ СССР в борьбе за мир... С. 233—235.

⁵⁰ Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. IV, S: 238—239.

⁵¹ Протокол Шмундта, 23.05.1939, <https://www.ns-archiv.de/krieg/1939/schmundt/23-05-1939-schmundt.php>

В прошлом, говорил Гитлер, недостаточно было победить флот, чтобы победить Британию, нужно было высадиться на берегах ее островов. Тогда Британия могла прокормить себя. Сегодня это уже невозможно. В тот момент, когда Британия будет отрезана от поставок сырья и продовольствия, она будет вынуждена сдаться. Запасы продовольствия и топлива зависят от защиты флота. Значит, задача победы над Британией состоит в установлении полной блокады ее островов.

Россия, в представлении Гитлера, имеет значение только как возможный союзник Британии и Франции. Если Россия выступит против Германии — тогда союзная Япония должна будет нанести ей удар, чтобы отвлечь ее от Европы. Если же Россия не проявит интереса к проблемам Польши и Европы в целом, то с ней надо налаживать политическое и экономическое сотрудничество. Как «жизненное пространство» Россия интереса для Германии не представляет.

В общем, эта программа и была положена в основу всей политики Второй Мировой войны со стороны Германии. И все последующие события, и шаги Гитлера и его окружения вполне укладываются в то, что он наметил своим генералам на совещании 23 мая 1939 года.

Британия, тем временем, резко усилила дипломатическую активность. Министр иностранных дел лорд Галифакс обратился к посольству СССР с вопросом — будет ли СССР выступать в защиту Румынии, если против нее произойдет агрессия Германии. В ответ СССР предложил собрать конференцию всех заинтересованных стран (Польши, Румынии, Британии, Франции и СССР), чтобы обсудить общую политику всех заинтересованных сторон. Одновременно, особенно с момента окончательного превращения Чехии в германский протекторат, в Британии и Франции резко усилились анти-германские настроения, так что советские дипломаты в Лондоне и Париже уже однозначно исключали возможность «второго Мюнхена», повторения ситуации, случившейся с Чехословакией в 1938-м году. Например, посол СССР во Франции Яков Суриц писал наркому иностранных дел Литвинову, что «можно с уверенностью сказать, что со времени великой войны не было еще момента, когда эта вражда к немцам прорвалась бы с такой силой, как сейчас»⁵². Причем направление германской экспансии в сторону Польши и Румынии, по Сурицу, рассматривалось не в качестве продолжения ее против СССР, а ровно наоборот — как создание тыловой базы для решительной борьбы против Франции и Британии. «Получив нефть и хлеб из Румынии и другое нужное ему сырье из других подчиненных ему стран Центральной и Восточной Европы, Гитлер потеряет всякий экономический стимул к Украине и не подвергнет себя риску войны с СССР, — пишет Суриц. — А о том, что война с СССР представляет для него риск, и риск немалый, — об этом здесь говорят решительно все. И это знамение времени. Даже те, кто все еще твердят о слабости СССР и на этом строят свои аргументы против сотрудничества с СССР, признают рискованность военных операций против СССР (безбрежные пространства, неизбежность длительной и затяжной войны, трудность маневрирования и т. д.). Сомнительно, писал на днях один из французских публицистов, чтобы Гитлер рискнул «обложить северного медведя в его собственной берлоге».

Разумеется, эту оценку стоит признать вполне верной. Все, что Германии могло быть нужно для затяжной войны с Британией, она получала из Восточной и Юго-Восточной Европы (Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Румыния, Югославия, Болгария). Дальше на восток начинались уже «земли неведомые» — обширные территории с редким населением, плохим транспортом и скудными ресурсами. В 1918 году австро-германские войска по Брестскому миру оккупировали Украину, но пользы от этого им практически не было. Сбор и транспортировка продовольствия оказалась и тогда для них непосильной задачей. Поэтому в планах Гитлера СССР не рассматривался как потенциальный источник ресурсов, а только как вероятный союзник главного врага — Британии. Не удивительно, что именно с этого момента германская

⁵² АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 207, л. 21—35.

дипломатия резко активизирует переговоры с СССР насчет расширения торговли и нормализации политических отношений.

Одновременно в Москве активизировались и британцы. Министр по делам заморской торговли Британии Хадсон в разговоре с советским заместителем наркома иностранных дел Потемкиным был предельно откровенен. Войну с Германией, Италией и Японией он считал уже неизбежной. Причем в этой войне Хадсон отводил СССР вместе с США роль противостояния Японии на Тихом океане. Хадсон, по сути, предложил СССР начать с Британией и Францией совместное планирование войны против германо-японского блока. В правительстве СССР, понятно, это не могли воспринять иначе, чем просто пожелание одного из министров британского правительства, однако приняли во внимание, как проявление интереса к сотрудничеству.

Основных проблем в становлении «второй Антанты» было две. Первая — это откровенное и твердое нежелание самой Польши (в первую очередь ее министра иностранных дел Юзефа Бека) к любому сотрудничеству с СССР. Испортив с самых первых дней своего существования отношения со всеми соседями, Польша считала для себя невозможным прибегать к помощи кого-то из них против других. Германия и СССР для Польши были в равной мере недружественными. К тому же амбиции Польши на лидерство в Восточной Европе сами по себе исключали для нее возможность принять помощь от СССР (особенно с учетом прежних территориальных споров по Украине и Белоруссии). Как мы увидим позже, это препятствие стало решающим.

Вторая проблема состояла в том, что Британия и Франция смогут предложить СССР за участие в войне против Германии. Ведь, по большому счету, Германия не представляла для СССР безусловной угрозы. И в Первой Мировой войне столкновение Германии и России вовсе не было неизбежным (что неоднократно отмечали многие политические фигуры в самой России, от министра Петра Дурново до фаворита императрицы Григория Распутина, предостерегавших от столкновения с немцами). Не было неизбежным и столкновение Третьего Рейха с СССР. При условии строгого нейтралитета СССР вполне уверенно мог избежать участия в войне — нападать на него никто бы не стал. Получить от СССР помощь в защите недружественной ему Польши можно было только на определенных условиях.

В Британии в общем было понимание, что это могут быть за условия. В конце концов, это ведь именно лорд Керзон, тогдашний президент Тайного совета Британии, предложил восточную границу Польши установить по «этнографическому признаку» (примерно так, как она сейчас и проходит). Кроме того, в Британии хорошо помнили, как в 1917 году Россия рухнула из-за неспособности больше участвовать в войне из-за слабости экономики и неспособности обеспечивать армию и население. Уинстон Черчилль⁵³ писал в своей книге «Мировой кризис», что Россия не выдержала войны и рухнула из-за того, что союзники ей мало помогали. Это соображение оказывалось сдерживающим фактором в развитии отношения с СССР для того же Невилла Чемберлена, тогдашнего британского премьера. Скептически оценивая возможности Британии обеспечить должный уровень снабжения воюющего СССР, он рассчитывал, что Польша и сама будет способна сдерживать значительную часть военной мощи Германии — в то время, как остальную ее часть будут преодолевать Британия и Франция.

Несостоятельность этой позиции понимали многие и в самой Британии. Дэвид Ллойд-Джордж, возглавлявший правительство Британии в годы Первой Мировой войны, высмеял слова Чемберлена, который сказал, что роль Восточного фронта в будущей войне с Германией

⁵³ Черчилль В. Мировой кризис. — М.; Л.: Госвоениздат, 1932

способна выполнять Польша. «Никакого „восточного фронта“ без активной помощи СССР быть не может»⁵⁴, — сказал Ллойд-Джордж.

Тем временем Германия завершила составление плана войны с Польшей (как первого этапа войны с Францией и Британией). План получил «цветную» кодировку Weiss («Белый»). Он строился на изоляции Польши, что позволило бы германскому Вермахту разгромить ее армию и завладеть территорией, не отвлекаясь на другие театры военных действий. Ставка делалась на то, что во Франции существует внутренний кризис, а Британия в одиночку помочь Польше не может, так как не имеет серьезной армии. Оценку возможной роли СССР в плане сформулировали так: «Вмешательство России, если бы она была на это способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, так как это означало бы уничтожение ее большевизмом»⁵⁵. Надо признать, что политическая оценка ситуации в германском плане дана вполне адекватно. Польша ни в коем случае не согласилась бы ни на какие союзы с СССР — понимая, что платой за это могли быть только территориальные потери (что в конце концов и случилось).

Стоит, видимо, особо подчеркнуть, что с самого начала «данцигского конфликта» Гитлер твердо сделал ставку именно на войну с Польшей. Узкому кругу доверенных лиц Гитлера было известно, что германское предложение Польше было сделано в твердом убеждении, что оно будет ею отвергнуто. Гитлер и Риббентроп были убеждены в том, что по соображениям внутренней и внешней политики польское правительство не сможет согласиться с германскими требованиями.

Позицию вероятных союзников Польши в Берлине оценивали следующим образом. «Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу. Если мы в кратчайший срок сломим в основном сопротивление Польши, то Англия устроит демонстрацию своего флота, Франция побряцает оружием за своей линией Мажино, на этом дело и кончится. Если же, вопреки ожиданиям, европейская война в связи с акцией против Польши окажется вероятным фактом, то тогда мы будем знать, что германский удар по Польше служит для западных государств лишь поводом для их войны против Германии, что превентивная война против Германии — дело решенное. В таком случае Гитлер готов отважиться на крупное столкновение»⁵⁶.

Пока Германия занималась конкретной подготовкой для решения «восточного вопроса», противостоящая ей коалиция никак не складывалась. Со стороны СССР главным был все тот же вопрос — как именно Британия и Франция собираются помогать СССР, если он вступит в войну с Германией? В беседе наркома иностранных дел Максима Литвинова с британским послом Сидсом 15 апреля 1939 года этот вопрос был задан практически «в лоб» — нарком дал понять, что ждет именно конкретных обязательств помощи⁵⁷. В дальнейшем это повторялось рефреном во всех переговорах СССР с западными державами.

А ответить им было в общем-то нечего. Их собственные вооруженные силы, как выяснилось, были совершенно не готовы, не рассчитаны на ведение современной войны. Номинально многочисленная французская армия была совершенно необучена, ее вооружение было устаревшим. Британская же сухопутная армия вообще представляла собой едва ли не ополчение, непригодное для отправки за море. Армию британцам еще только предстояло создавать — в этом у нее ситуация была даже хуже, чем в 1914-м, в начале Первой Мировой войны. Конечно, существовал британский флот, который мог бы установить (и установил в реальности) полноценную блокаду Германии. Но понятно было всем, что эта блокада не окажет на Германию немедленного воздействия, и не помешает ей разгромить Польшу.

⁵⁴ АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 65—66. Опул. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 290—291.

⁵⁵ Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 326—329.

⁵⁶ СССР в борьбе за мир... С. 362—365.

⁵⁷ АВП СССР, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, с. 18—19. Опул. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 71—72.

В это самое время, после многолетнего перерыва, в европейскую политику возвращаются США.

После Версальского мира, будучи сильно разочарованы как самим этим договором, так и общим итогом Первой Мировой войны, США ощутили себя соучастниками обмана. Президент Вудро Вильсон предложил воюющим сторонам мир без аннексий и контрибуций. Именно на таких условиях Германия согласилась на условия перемирия. А вышло, что им навязали мир на грабительских и унижительных условиях. Получилось, что устами своего президента США обманули Германию, и условия мира диктовали совсем другие. В США сложилось сильное недоверие к европейцам вообще, к французам и британцам в частности, и острое нежелание в будущем лезть в европейские дела. Это настроение получило название «изоляционизм», и к концу 30-х годов было в настроениях американцев весьма влиятельным.

Но и тогда серьезные военные и политические силы в США понимали, что отсидеться за океаном у них не получится. В первую очередь, конечно, не давала покоя Япония. Уже в 1918-1919-м у США с Японией было немало конфликтов по отношению к Китаю, по отношению к Сибири, в которой во время русской Гражданской войны находились и японские, и американские войска. Особенно обострились отношения Японии и США, когда японцы активизировали свое вмешательство в Китае. А уж когда началось прямое вторжение японских войск (в 1931-м году в Маньчжурию, а в 1937-м уже в собственно Китай), вопрос о будущем военном противнике США получил окончательное и беспспорное разрешение.

В США вполне ясно поняли смысл и значение Антикоминтерновского пакта Германии, Италии и Японии. Поняли то, что ни про какие «коминтерны» там речи не идет, а просто сложилась коалиция для перекройки карты мира и переустройства системы международных отношений. С этого момента стало ясно, что будущая война станет Мировой, что Япония, главный враг США в Тихом океане, стала союзником Германии, а это значит — без победы над Германией и Японию не победить окончательно.

Осталось преодолеть американский изоляционизм. А это было непросто.

Еще во время Судетского кризиса, 14 ноября 1938 года на встрече в Белом доме президент Франклин Рузвельт изложил амбициозный план для Соединенных Штатов по строительству достаточного количества самолетов, чтобы обеспечить британцам и французам превосходство в воздухе над немцами, что, как он считал, удержит Гитлера от вступления в войну. Рузвельт заявил: «Если бы у нас этим летом было 5000 самолетов и возможность немедленно производить 10 000 самолетов в год, Гитлер не осмелился бы занять такую позицию». В письме британскому премьеру Невиллу Чемберлену Рузвельт пообещал ему, что промышленная мощь Соединенных Штатов поддержит Британию в войне. Однако в тот момент это предложение не получило развития. Британия и Франция воевать за Чехословакию не стали. А в 1939 году ситуация для США и конкретно президента Франклина Рузвельта была уже иной. Близились президентские выборы — для Рузвельта особо сложные по двум причинам. Во-первых, Рузвельт уже просидел в Белом Доме два президентских срока. И хотя тогда в Конституции США не было нормы, ограничивающий полномочия президента двумя сроками, до сих пор за полтора года никто на третий срок не избирался. Это был очень непривычный для США казус, и он сильно ослаблял позиции Рузвельта и его шансы на избрание. А второе — против него и его политики сложилась весьма серьезная оппозиция, и противников у него, сильных и влиятельных, хватало. В такой ситуации Рузвельту было просто опасно слишком активно влезать в дела Европы, и давать своим противникам возможность обвинить его во втягивании США в новую Мировую войну.

Судя по всему, именно это послужило причиной того, что Госдепартамент США в лице Корделла Хелла отговорил посла США в Бельгии Джефферсона Дэвиса от роли посредника в переговорах Британии и СССР. Дело в том, что Дэвис в 1936-38-м годах был послом США в

СССР, завел там близкие знакомства с ведущими фигурами в советском руководстве и наладил с ними доброжелательные отношения. Это было не слишком трудно, так как США именно в годы президентства Рузвельта стали главным «подрядчиком» и «финансистом» советской индустриализации — за счет кредитов под гарантии Казначейства США и силами фирм и компаний США в СССР построена почти вся крупная промышленность. В СССР вполне понимали, что в грядущем вооруженном конфликте с Германией и (возможно) Японией именно США являются теми, кто в состоянии обеспечить нужный уровень поддержки, достаточный для участия в трудной войне.

«По собственному опыту я знаю, что у Советов существовало недоверие к Англии и Франции как в отношении их целей, так и в отношении их действий. Но они действительно доверяют Вам. Они также доверяют мне, — писал Дэвис Корделлу Хэллу. — Поэтому я чувствую себя обязанным предложить — в случае если Вы сочтете это целесообразным, — чтобы я поехал в Москву на несколько дней под предлогом приведения в порядок своих личных дел (если такой предлог возможен) и повидался, — если это необходимо, то неофициально — с Литвиновым, Калинин, Молотовым и обязательно также со Сталиным, с тем чтобы помочь более скорому заключению соглашения с Англией против агрессии»⁵⁸.

Хэлл донес президенту Рузвельту предложение посла, и ответ его был вполне предсказуемым:

«Президент и я искренне ценим Ваш совет и Ваше предложение быть полезным в настоящей ситуации. Мы оба полагаем, что Вы поймете, однако, что с точки зрения внутренних соображений такой визит, как бы тщательно он ни был подготовлен, может быть истолкован превратно. В эти дни, когда конгресс рассматривает вопрос о нашем законодательстве о нейтралитете, более чем когда-либо важно не рисковать»⁵⁹. Смысл вполне понятен: да, это было бы весьма полезно, но здесь и сейчас, в условиях начинающейся предвыборной кампании, Рузвельт слишком «подставится», если санкционирует столь активное участие США в нарастающем европейском конфликте. Для того, чтобы включиться в дело по-настоящему, Рузвельту предстояло еще выиграть эти крайне сложные выборы.

Тем временем в Европе обе стороны продолжали работу по поиску союзников и организации коалиций. Уже союзные Германия и Италия имели, однако, некоторые разногласия в отношении направления экспансии. Италия была, по понятным причинам, больше заинтересована в Средиземном море и в Африке. Не возражая в принципе, Германия все же первым шагом твердо выбирала Польшу. Безусловными союзниками Германии к весне 1939 года можно было считать Словакию и Венгрию. Склонялись к союзу с Германией Болгария и Югославия. Сложнее было с Румынией — Германия и Италия придавали ей большое значение из-за ее нефтяных ресурсов. Но в самой Румынии преобладало желание иметь отношения с Францией и Британией, да и к СССР там не было столь негативного отношения, как в Польше. И Германия, и Британия активно уговаривали Грецию и Турцию. Но если с Грецией в общем договориться было не слишком сложно, то Турция уклонялась от однозначного выбора, предпочитая позицию нейтралитета. Впрочем, турок можно было понять: Первую Мировую войну они пережили очень тяжело, развал Османской империи и последовавшая после этого война с Грецией сильно разорили страну, и Турция в 30-е годы только начала потихоньку оживать и залечивать раны. Новая война была там явно непопулярна.

В ходе подготовки к военному решению «восточного вопроса» Германия явно и безусловно опережала своих противников в первую очередь потому, что рассчитывала полностью

⁵⁸ Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 339—340. Опубл. в сб.: Foreign Relations of the United States... Vol. 1. P. 234—235.

⁵⁹ Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 340. Опубл. в сб.: Foreign Relations of the United States... Vol 1. P. 236.

на свои силы. Единственно, кого предполагалось привлечь в качестве союзника, была недавно возникшая Словакия⁶⁰. То есть Германии для подготовки к войне не было нужды вести сложные переговоры и с кем-то обсуждать условия сотрудничества. А вот создание противоборствующего Германии блока наталкивалось на множество препятствий. И даже в самом, казалось бы, легком звене — в соглашении Британии и СССР — дела продвигались весьма туго.

Препятствий было несколько, но среди главных можно выделить категорическое нежелание Польши допускать на свою территорию советские войска. В принципе, поляков можно понять — многие еще помнили польско-советскую войну 1920 года, когда РККА огнем и мечом шла по территории Польши, и воспоминания эти были не слишком лестными для советов. Поляки также помнили, что в том 1920 году Британия рекомендовала установить польско-советскую границу гораздо западнее той, что существовало в 1939 году. И если бы РККА вступила на территорию Польши для защиты ее от агрессии Германии — что бы заставило ее уйти с этой территории после победы, не потребовав себе что-то в вознаграждение за помощь? Британия и Франция не считали эти соображения существенными, но на позицию Польши, безусловно, они влияли самым сильным образом.

Сложным делом было и сформулировать положения будущего союзного соглашения. Понятна позиция СССР, настаивавшего на конкретном определении формы и степени участия договаривающихся сторон в противодействии Германии. Политический союз должен сопровождаться военной конвенцией, в котором бы определялись взаимные обязательства сторон — ступают ли они в войну в случае нападения агрессора на союзника, а если вступают — то в какой форме и какими силами. Конкретизация этих обязательств представляла собой определенные проблемы.

Были препятствия уже и вполне политические. СССР настаивал в соглашение включить формулировку о противодействии «прямой и косвенной агрессии». И если с прямой агрессией вопросов не было (открытая вооруженная агрессия одной страны против другой), то формулировка «косвенной агрессией» вызвала немало споров. Что это такое — «косвенная агрессия»? После длительных споров и обсуждений пришли к такой формуле: «Выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета»⁶¹. Проще говоря, СССР брал на себя право рассматривать любые действия любых своих соседей как «косвенную агрессию, как «угрозу себе» по вполне произвольным основаниям — например, нежелание соседей выполнять требования СССР. Впоследствии этот подход имел далеко идущие последствия.

Сложнейшей проблемой было то, что иметь союзные отношения с СССР категорически не хотели в первую очередь те, из-за кого и началась вся эта дипломатическая суеда. Польша решительно это отвергала. Смысл польской позиции заключался в том, что иметь союз с СССР означает допустить советские войска на территорию Польши — а ведь именно изгнание их с польской территории было главным предметом национальной гордости поляков. Британские и французские дипломаты пытались объяснить полякам, что перебросить войска в Польшу они не имеют возможности, и полякам придется какое-то время (до полугода) сдерживать главный удар германского Вермахта, пока франко-британские силы будут готовы к наступлению на Германию. Но эти уговоры не имели результата. Министр иностранных дел Польши Юзеф Бек буквально накануне немецкого вторжения, 23 июля 1939 года, говорил комиссару Лиги

⁶⁰ Стоит отметить, что первым полноценным союзником гитлеровской Германии была именно славянская Словакия. В свете этого миф о «неприязни» нацистов к славянам выглядит уж очень неадекватно.

⁶¹ АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 26, д. 16, л. 70. Опул. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 133.

Наций Карлу Буркхарду: «Вермахт нельзя сравнивать с имперской армией 1914 года. Однако наши собственные вооруженные силы готовы к гибкой, продолжительной маневренной войне. Вас ждут большие сюрпризы»⁶².

Неуступчивость Польши и неспособность Британии и Франции обеспечить для СССР условия вступления в войну против Германии вызвало кризис в советском руководстве. Наркома иностранных дел Максима Литвинова обвинили в «нелояльности» к правительству (глава правительства, Вячеслав Молотов, открыто обвинял Литвинова в «политическом головотяпстве»). В конце концов Литвинов подал в отставку, и его пост занял сам глава правительства Молотов. С этого времени переговоры СССР с Британией и Францией стали более активными, и было решено, даже не имея политического союзного соглашения, провести переговоры военных представителей, имеющих целью заключить военную конвенцию. Эти переговоры прошли в Москве в августе 1939 года.

Военные вопросы в ходе этих переговоров были определены в общем вполне уверенно и без особых проблем. Конечно, особой точности и достоверности сообщаемые делегациями численные данные о своих силах не содержали, только в самом общем виде. Конечно, делегации не сообщали друг другу о множестве внутренних проблем в своих вооруженных силах (проблемы обучения и подготовки кадров, проблемы с моральной мотивацией личного состава и так далее). Что, в общем, нормально: нельзя ждать на таких переговорах публичной самокритики генералов. Но, в общем, генералы были вполне готовы договориться. Все уперлось опять же в политику, и в первую очередь — в нежелание Польши вообще обсуждать вопрос о вступлении РККА на территорию Польши. Польский министр иностранных дел Юзеф Бек ссылаясь на «завещание маршала Пилсудского», и утверждал, что СССР, требуя разрешения войти на территорию Польши, пытается мирным путем получить то, что не смог получить военным в 1920 году.

Британские и французские генералы, впрочем, были не склонны слишком всерьез принимать опасение поляков. Адмирал Дракс, глава британской миссии, прямо заявил: «Если Польша не потребует помощи от СССР, она в скором времени станет простой немецкой провинцией, и тогда СССР решит, как с ней поступить. Если, с другой стороны, СССР, Франция и Англия будут в союзе, тогда вопрос о том, попросит ли Польша помощи, становится совершенно очевидным».

Глава советской миссии маршал Климент Ворошилов, однако, требовал предварительным условием заключения соглашения именно официальное согласие Польши. Из его ответа, довольно многословного, можно понять то, что СССР, в принципе соглашаясь с формулировкой британцев, все же требует определить, что последует в случае полного разгрома и оккупации Германией Польши, если в последующем изгнание германских войск с ее территории возьмет на себя СССР⁶³.

Понятно, что этот сугубо политический вопрос, тем более затрагивающий проблему послевоенных границ и послевоенного политического устройства Восточной Европы, военные миссии определить не могли, и адмирал Дракс не мог ничего конкретного маршалу Ворошилову ответить. Военные переговоры, таким образом, тоже зашли в тупик: СССР обозначил свою готовность воевать против Германии на условиях Британии и Франции, но вполне однозначно выразил желание получить за это компенсации. А обещать это Британия и Франция ему не могли.

⁶² Carl Jacob Burckhardt: Meine Danziger Mission 1937—1939. dtv München 1962

⁶³ АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 12, л. 33—47. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 230—239.

Позиция СССР была вполне ясно и четко выражена в газете «Известия» (официальный орган правительства СССР). Да, СССР всегда готов выступить на стороне Британии и Франции против Германии. Но на условиях помощи, так как своими силами СССР войну с Германией (и, вероятно, ее союзниками) не выдержит⁶⁴. Однако Британия и Франция такой помощи обещать не могли. Они сами столкнулись с крайней слабостью своих армий, и им пришлось обратиться к США с заказами на массовую закупку военной техники. В то же время США были связаны законом о нейтралитете, и в случае войны эти закупки оказывались под сомнением (в Германии вообще считали, что они станут невозможными). Таким образом, все упиралось в позицию США.

Руководство Германии внимательно следило за дипломатическими маневрами своих противников. Не то чтобы там слишком уж боялись воевать против СССР. Военные возможности СССР там оценивали невысоко. РККА считалась многочисленной, но плохо организованной и необученной армией, не способной причинить серьезные проблемы. Однако сама по себе война против СССР для Германии не представляла важности. Интересы Германии на Востоке сводились к восстановлению границ прежней Германской империи (максимум — в ее «историческом» рассмотрении, вместе с Австро-Венгрией). Главным же врагом Германии всегда оставалась Британия, а главной целью, после создания германского «жизненного пространства» — гегемония в Европе в целом и возвращение (и, вероятно, расширение) колониальной империи, в первую очередь в Африке. Лишних противников, не являвшихся стратегическими, плодить не было смысла. Поэтому германская дипломатия работала над мирными соглашениями с СССР, с условием разграничения «сфер интересов» в Восточной Европе, и шире — в остальном мире.

К августу 1939 года всем уже стало ясно, что война вот-вот начнется. Коалиция против Германии никак не складывалась, и в СССР решили пока воздержаться от войны, но при этом все же получить желаемые территориальные приобретения. И когда Германия предложила договор о ненападении, это было принято. Но с условием согласия Германии на раздел Польши и другие территориальные приобретения СССР. Так сформировался «пакт Молотова-Риббентропа». Сам по себе, конечно, он был вполне типовым и рутинным, полностью подобным любому другому подобному соглашению. Вся суть заключалась именно в пресловутом «секретном протоколе», делавшем «пакт» уникальным. Пожалуй, никогда (или крайне редко) договор о ненападении не сопровождался договором о разделе третьих стран.

Переговоры по «пакту» много времени не заняли. Собственно, проект договора о ненападении был предложен советской стороной, а вместе с проектом из Москвы в Берлин поступило пожелание присовокупить к самому договору «дополнительный протокол». 21 августа 1939 года Гитлер в личном письме Сталину пишет: «Дополнительный протокол, желаемый правительством СССР, по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе германское правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок»⁶⁵. Срок, действительно, оказался коротким, и уже вечером 23 августа договор о ненападении, вместе с дополнительным протоколом о разделе «сфер влияния» (то есть о территориальном разделе Восточной Европы) был подписан.

Бывший помощник наркоминдел СССР В. Н. Павлов, переводивший на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом, утверждал, что инициатива создания и подписания секретного протокола исходила не с немецкой, а с советской стороны. Риббентроп, по его словам,

⁶⁴ Известия. 1939. 11 мая.

⁶⁵ АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 63—64.

привез только текст основного договора. Сталин и Молотов обсудили его, внесли поправки. Сталин заявил: «К этому договору необходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего нигде публиковать не будем». В кабинете Сталина был составлен секретный дополнительный протокол. Его отредактировали, отпечатали и подписали. Сталин несколько раз подчеркнул, что это сугубо секретное соглашение никем и нигде не должно быть разглашено⁶⁶.

Рассказ Павлова подтверждает то, о чем сказал обвиняемый Риббентроп в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе: «Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана-Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад»⁶⁷.

Позже, в ноябре 1940 года, когда германская сторона предложила СССР очередной раздел сфер влияния в мире, советская сторона настаивала на заключении пяти секретных протоколов⁶⁸.

В Британии и Франции известия о заключении договора о ненападении между Германией и СССР было воспринято со смешанными чувствами. Британская оппозиция (Черчилль, Ллойд-Джордж и другие) с некоторым даже злорадством указали главе правительства Чемберлену, что он упустил удобный момент и потерял полезного союзника. Впрочем, и в Лондоне, и в Париже никто не считал, что «все потеряно», и рассчитывали вскоре продолжить переговоры с СССР.

Но события резко ускорились. 25 августа заключается договор о взаимопомощи в случае агрессии между Британией и Польшей. 30 августа министерство иностранных дел Германии доводит до сведения Британии свои требования к Польше. Требования эти, безусловно, были для Польши заведомо неприемлемы — так они и составлялись, в расчете на отказ. А утром 1 сентября начинается вторжение Вермахта в Польшу — начинается Вторая Мировая война в Европе.

⁶⁶ Карпов В. В. Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1994.

⁶⁷ Зоря Ю. Н., Лебедева Н. С. 1939 год в нюрнбергских досье.

⁶⁸ Посол Шуленбург — Риббентропу. Телеграмма N 2362 от 25 ноября 1940 г. // СССР — Германия. 1939 — 1941. Т. 2.

Первый фронт Гитлера

Строго говоря, непосредственную подготовку к войне с Германией Польша начала первой. Еще того, как 26 марта 1939 года польское правительство окончательно отклонило все претензии Германии на Данциг и «Польский коридор», оно 23 марта, начало частичную мобилизацию своих вооруженных сил.

Польша располагала весьма значительными мобилизационными ресурсами. У нее было более 2,6 миллиона частных резервистов и более 1 миллиона человек, способных служить в общей милиции.

После частичной экстренной мобилизации некоторые части из внутренних районов страны были выдвинуты к границе с Германией. 23 августа была объявлена чрезвычайная мобилизация в шести корпусных округах, граничащих с Германией, а 27 августа был отдан приказ о мобилизации всех еще не мобилизованных дежурных частей. Приказы о мобилизации от 23 и 27 августа поставили на боевое положение двадцать действующих и четыре резервные пехотные дивизии, одиннадцать кавалерийских бригад и все части национальной обороны (территориальных войск). Всеобщая мобилизация была объявлена 30 августа, но по политическим причинам реально она началась лишь на следующий день. На 1 сентября мобилизация польских войск была завершена примерно на 66 процентов⁶⁹. Точного числа призванных в польскую армию не установлено, примерно его можно оценить в миллион с небольшим. Стоит отметить, что польская мобилизация вовсе не завершилась с началом немецкого вторжения, и в течение всего сентября на территориях, еще не занятых немцами, она продолжалась. Поэтому данные о численности польской армии, действующей против германской, следует корректировать с учетом продолжающегося пополнения польских войск. Другое дело, конечно, что это было уже просто маршевое пополнение, зачастую плохо обученное и в лучшем случае только с личным оружием⁷⁰.

В Германии мобилизация началась заметно позже, но проведена она была быстрее. Только 25 августа был отдан приказ о мобилизации основных сил сухопутной армии военного времени. На следующий день мобилизация стала уже полной. Первоначально предполагалось, что первый день мобилизации станет и днем начала вторжения в Польшу. Но по ряду причин так не получилось. В первый день были готовы 5 танковых, 4 моторизованных, 4 легких пехотных, 3 горнострелковых дивизий, и 35 пехотных дивизий 1-й волны формирования⁷¹. Еще 41 пехотная дивизия 2-4-й волн формирования отмобилизоваться не успевали⁷². Всего по мобилизации должно было быть 103 дивизии сухопутных войск. Общая численность отмобилизованной армии Германии составляла 3 754 104 человек, из них действующая армия — 2 107 996 человек, гарнизонные войска — 223 270 человек, строительные войска — 426 798 человек, и армия резерва — 996 040 человек (из которых 540 000 человек составляли необученные призывники).

Проблема Германии была в том, что ей с самого начала предстояло воевать на два фронта. Хотя Гитлер на совещаниях с генералами и утверждал, что Франция наступления не начнет, а

⁶⁹ Marian Porwit: Komentarze do historii polskich działań obronnych 1939 roku. T. 1, 2, 3. Warszawa: [Spółdzielnia Wydawnicza «Czytelnik»](#), 1983

⁷⁰ Франц Гальдер. Военный дневник. 5.09.1939.

⁷¹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., М.: Изографус, Эксмо, 2002

⁷² Дивизии 1-й волны — это кадровые дивизии мирного времени. Дивизии 2-й волны по численности людей и вооружения от них мало отличались, но на их формирование направлялись часть личного состава кадровых дивизий, остальные состояли из резервистов. Дивизии 3-й волны — это бывшие дивизии ландвера, и из кадрового состава людей они не получали. Дивизии 4-й волны впервые предусматривались мобилизационным планом 1939 года, они формировались на базе учебных частей и подразделений.

Британия просто не готова к войне на суше, игнорировать Западный фронт было невозможно. Конечно, там спешно строились укрепления «Линии Зигфрида», но они были далеки до полного завершения. Да и уровень их совершенства, конечно, далеко не равнялась монументальной французской «Линии Мажино». Хотя, конечно, и она представляла собой проблему для предполагаемого французского наступления. Но любые укрепления имеют значение только вместе с полевым заполнением сухопутных войск. Поэтому, чтобы «Линия Зигфрида» обеспечивала оборону, Германии приходилось направить на Запад значительную часть своей армии.

На 31 августа (накануне начала вторжения в Польшу) германские силы распределялись так: 1,5 миллиона человек — на Востоке (против Польши), и около 1 миллиона — на Западе (против Франции). В первый день вторжения Германия располагала против Польши примерно 57 дивизиями, Польша им противопоставила около 44 дивизии (считая две бригады эквивалентными одной дивизии). Разумеется, Германия намного превосходила Польшу в количестве танков (всего примерно 2400 машин, против 800 польских танков и танкеток). В авиации превосходство немцев было неоднозначным. С одной стороны, Германия имела намного больше бомбардировщиков, а вот превосходство в численности истребителей было не столь уж и большим: примерно 165 боеспособных польских против 220 немецких, успевших принять участие в боях. С другой стороны, германские Bf 109 намного превосходили устаревшие польские монопланы PZL 11 в скорости и вооружении. Впрочем, боевые самолеты в этой кампании по большей части наносили удары по тыловым объектам и «терроризирующие» удары по городам, их воздействие на поле боя было не слишком заметным.

Примечательно, что оценки потерь Польской кампании (Сентябрьская война, как ее принято называть в Польше) заметно различаются. Польские авторы утверждают, что Вермахт в ходе боев понес очень большие потери (1000 танков и бронемашин, что составило почти 30% всего наличного состава, 370 орудий⁷³). Значительное количество немецкого вооружения получило такие повреждения, что ему требовался капитальный ремонт. А интенсивность боевых действий была такова, что боеприпасов и прочей амуниции хватило лишь на две недели⁷⁴. Немцы же считают, что война развивалась строго по заранее установленному плану и 19 сентября польская кампания для Вермахта фактически закончилась. Война длилась 18 дней, польская армия при этом была совершенно уничтожена⁷⁵.

Подробный анализ Польской кампании Вермахта 1939 года (Сентябрьской войны) скорее всего показывает, что тактически польские сухопутные войска были вполне сопоставимы с германскими. Понятно, им остро не хватало танков (всего одна механизированная бригада против пяти танковых дивизий), но это до известной степени компенсировалось наличием у поляков более тысячи прекрасных шведских 37-мм противотанковых пушек Bofors (выпускались в Польше по лицензии). Задача, которую резонно было поставить перед польской армией в этой ситуации — продержаться от 3 до 6 месяцев, пока французы и подошедшие к ним на помощь британцы не начнут серьезное наступление на Западе — вовсе не была невозможной.

Причины столь быстрого и полного разгрома польской армии состояли в первую очередь в изначально неразрешимой задаче, которую перед ней поставило командование и политическое руководство. Это давно и подробно отметили сами победители-немцы. «Трудно определить, в чем состояли стратегические цели развертывания польских сил, если только в его основе не лежало желание „закрыть все“ и ничего не отдавать добровольно, — пишет Эрик фон Манштейн. — Обычно такой образ действий приводит к поражению более слабой стороны»⁷⁶. Польская армия была равномерно растянута по всей протяженности границы — и

⁷³ Анджей Гарлицкий. История 1939—1997/1998. Польша и мир. — Варшава: Scholar, 1998

⁷⁴ Аполониуш Завильский. Сражения польского сентября. — Варшава, 1973.

⁷⁵ Курт фон Типпельскирх. История Второй мировой войны. — СПб.: Полигон, 1998.

⁷⁶ Манштейн, Э. Утерянные победы. «Центрполиграф». 2017.

это не было упущением, вызванным запозданием с мобилизацией и развертыванием, как склонен считать, например, Алексей Исаев⁷⁷. Это именно такой стратегический замысел. «Если бы Польша обратила внимание на усиление бывших немецких укреплений на Висле между Торунью и Грауденцем, — продолжал Эрих фон Манштейн, — а не предавалась слишком долго мечтам о нападении на Германию, она, по крайней мере, могла бы задержать соединение немецких сил, наступающих из Померании и Восточной Пруссии; аналогично, должным образом укрепив Познань, она ограничила бы свободу действий немецких армий в этой провинции»⁷⁸.

Еще один важный фактор, сделавший поражение польской армии столь быстрым и сокрушительным, позже повторялся не раз и в других кампаниях. Это отсутствие связи, разведки и координации действий польских войск. Павел Вечоркевич, ведущий польский историк, специализирующийся на этой теме, признает, например, отсутствие связи «главной ошибкой Эдварда Рыдз-Смиглы» (главнокомандующего польской армией)⁷⁹. Хотя, конечно, были у него и другие очевидно «главные ошибки». Там же Вечоркевич говорит: «Практически к концу второго дня войны главнокомандующий утратил возможность эффективного командования. Он не создал заранее гибкой структуры, в которой его могли бы заместить, например, командующие фронтами. Вместо этого, он под влиянием опыта и концепций Пилсудского, создал крайне централизованную систему. То, что было хорошо в 1920 г., оказалось убийственным в 1939 г. Кроме того, Рыдз, придавая неоправданно большое значение военной тайне, не поделился с командующими армиями своими замыслами и планами. Они только знали, что должны делать в первые дни войны. Потом им пришлось импровизировать. С польской стороны это была война командующих армиями или дивизиями, а не главнокомандующего»⁸⁰. Безусловно, это правда. Польская армия сражалась храбро, часто — умело, и не раз создавала проблемы немецкому наступлению. Но у них фактически не было руководства, верховного командования. Маршал Рыдз-Смиглы уже 6 сентября покинул Варшаву и перебрался в Брест-Литовский, где не было никакой связи. Когда к 10 сентября связь, наконец, наладили — он покинул Брест и переместился к румынской границе. Как раз в это время генерал Тадеуш Кутшеба (командующий армией «Познань») нанес удар по немецким армиям группы армий «Юг», пытаясь остановить их наступление⁸¹. Оставшись без поддержки соседей, он, конечно, потерпел поражение. Которого могло и не быть — или оно могло быть не столь тяжким.

Уланы полковника Казимира Масталежа героически атаковали немецкую пехоту в первый же день войны. Герои Вестерплатте героически удерживали многократно превосходящие силы немцев. Случаев героизма польских солдат и офицеров много. Но факт в том, что им пришлось воевать каждый за себя. Политическое и военное руководство Польши оказалось несостоятельным. Точную оценку этому дал Уинстон Черчилль: «Храбрейшими из храбрых часто руководили гнуснейшие из гнусных»⁸².

Польскую кампанию (Сентябрьскую войну, Польскую войну сентября 1939 года) рассматривают в первую очередь как противостояние только Германии и Польши. Но обе стороны имели союзников. Первым союзником (не на бумаге, а на деле) была маленькая Словакия. К слову сказать — славянское государство. Первый военный союзник нацистской Германии (Договор о защитных отношениях между Германской империей и Словацким государством заключен 18 марта 1939 года). Что-то не так с «расовой теорией», к слову сказать: добрая

⁷⁷ Исаев А. В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. — М.: Эксмо, Яуза, 2004

⁷⁸ Манштейн, Э. Утерянные победы. «Центрполиграф». 2017.

⁷⁹ Павел Вечоркевич. Польская война. [Rzeczpospolita \(Польша\)](#), 29 сентября 2005

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Манштейн, Э. Утерянные победы. «Центрполиграф». 2017.

⁸² Уинстон Черчилль. Черчилль У. Вторая мировая война. (В 3-х книгах). — М.: Воениздат, 1991.

треть европейских союзников нацистской Германии — славяне (Словакия, Болгария, Хорватия). Возвращаясь к тому, что выше сказано про идеологию и «Майн Кампф» — видимо, все-таки не считал Гитлер славян «недочеловеками».

Против Польши Словакия выставила армейскую группу «Бернолак»⁸³ в составе трех пехотных дивизий, общим числом более 50 тысяч человек. Через четыре дня к ним добавилась моторизованная группа «Калинчак», силой примерно бригады, с 19 легкими танками в своем составе. Особо громких побед на долю словацких войск не выпало, хотя три словацких офицера удостоились немецкой награды Железным крестом. Погибло в бою 18 словацких солдат и офицеров.

Италия, хотя и имела с Германией политическое соглашение «Антикоминтерновский пакт», от участия в войне с Польшей уклонилась. Бенито Муссолини, дуче (вождь) Италии, не скрывал своего недовольства, постоянно подчеркивая, что Италия к большой войне не готова.

Венгрия к «Антикоминтерновскому пакту» присоединилась 24 февраля 1939 года. Но против Польши воевать не пожелала, более того — блокировала немецкие военные перевозки, пока шли боевые действия.

Польша имела союзные отношения с Францией с 1921 года. Но этот политический союз не содержал конкретных военных обязательств на случай нападения третьей стороны. Военная конвенция Франции и Польши была подписана только 19 мая 1939 года. Командующий французской армией Морис Гамелен, подписавший эту конвенцию, на словах обещал «смелое наступление» в течение трех недель после вражеского нападения на Польшу.

Частичная мобилизация во Франции началась 26 августа 1939 года, а всеобщую мобилизацию там начали в день начала германского вторжения, 1 сентября. В этот день Франция и Британия направили Германии ультиматум с требованием прекратить военные действия. Германия, разумеется, ультиматум проигнорировала, и 3 сентября Франция и Британия объявили Германии войну.

Согласно конвенции, французская армия должна была начать подготовку к крупному наступлению через три дня после начала мобилизации. Французские войска должны были фактически взять под контроль территорию между французской границей и линией Зигфрида и протиснуться к немецкой обороне. Сектор обороняла немецкая 1-я армия. На 15-й день мобилизации (то есть 16 сентября) французская армия должна была начать полномасштабное наступление на Германию.

Мобилизация французской армии, однако, столкнулась с немалыми трудностями. Во-первых, долгое время срок службы по призыву во французской армии составлял всего 1 год. За это время подготовить полноценных резервистов практически невозможно. В результате по мобилизации в воинские части поступало совершенно необученное пополнение, мало чем отличавшееся от «зеленых» рекрутов. Кроме того, «война за Данциг» во Франции не пользовалась популярностью. Французы еще хорошо помнили кровопролитную Первую Мировую войну, буквально выкосившую несколько поколений, и не видели мотива, почему они должны умирать за непонятно «чей» далекий город Данциг. Сыграла свою роль и пропаганда Компартии Франции, активно критиковавшей «империалистическую войну», и многие уклонялись от мобилизации или дезертировали.

Бельгия и Нидерланды, расположенные между Францией и Германией, сохраняли нейтралитет. Для французского наступления оставался не столь уж значительный участок границы — в направлении промышленной области Саар. Планы предусматривали наступление силами около 40 дивизий, включая одну бронетанковую дивизию, три механизированные дивизии, 78 артиллерийских полков и 40 танковых батальонов. К границе в назначенное время, однако, выдвинулось только около 30 дивизий. Наступление начали 11 французских дивизий. Они про-

⁸³ Slovenská Poľná Armáda skupina «Bernolák».

двинулись примерно на 32 км в направлении города Саарбрюккен и заняли 12 немецких городков и деревень.

К 9 сентября французы заняли большую часть леса Варндт. 10 сентября немцы контратакой вернули деревню Апах, французские войска вновь захватили ее всего несколько часов спустя. Французский 32-й пехотный полк добился дальнейших успехов 12 сентября, захватив немецкий город Бреншельбах, потеряв одного капитана, одного сержанта и семь рядовых.

Однако на рубеже леса Варндт французское наступление забуксовало. Лес был сильно заминирован немцами, и на минах французы потеряли четыре танка. 12 сентября англо-французский Верховный военный совет впервые собрался в Абвиле во Франции. Было решено, что все наступательные действия должны быть немедленно прекращены. Генерал Морис Гамелен приказал своим войскам остановиться «не ближе, чем в 1 километре» от немецких позиций вдоль линии Зигфрида. На следующий день командующий французской военной миссией в Польше генерал Луи Фори сообщил польскому начальнику штаба генералу Вацлаву Стахевичу, что запланированное крупное наступление на западном фронте пришлось отложить на 17—20 сентября.

Несколько дней стороны стояли друг против друга, не имея возможности к наступлению. А 21 сентября, когда крах Польши стал уже очевиден, генерал Морис Гамелен приказал французским войскам отступить на исходные позиции. Некоторые французские генералы (например, Анри Жиро) считали отступление упущенной возможностью и заявили о своем несогласии с ним.

С 16 по 17 октября немецкая армия, теперь усиленная войсками, вернувшимися с польской кампании, провела контрнаступление, в ходе которого вернула себе оставшуюся часть потерянной территории, все еще удерживаемую французскими прикрывающими силами, которые отступили, как и планировалось. Немецкие отчеты признали потерю убитыми 196 солдат, плюс 114 пропавших без вести и 356 раненых. Они также утверждали, что 11 их самолетов были сбиты еще 17 октября. Французы потеряли около 2000 человек⁸⁴.

После войны, на Нюрнбергском процессе, ряд немецких генералов утверждали, что Германия была чуть ли не беззащитна против французских войск на Западе. Альфред Йодль заявил, что «если мы не рухнули уже в 1939 году, то только потому, что во время польской кампании около 110 французских и британских дивизий на Западе были полностью бездейственны против 23 немецких дивизий». Генерал Зигфрид Вестфаль заявил, что если бы французы напали всеми силами в сентябре 1939 года, немецкая армия «могла бы продержаться только одну или две недели»⁸⁵. Это, однако, очевидное преувеличение. Во-первых, на Западе против французов стояли не 23, а 40 немецких дивизий. Да и Франция имела не 110, а тоже примерно 40 дивизий, хоть как-то способных наступать. Да, разумеется, у немецких войск на Западе не было ни одного танка. Но для обороны на заранее подготовленном рубеже (а он был подготовлен, и французы с ним столкнулись) это не так уж критично. Да, немецкие дивизии на Западе были не самыми «элитными» — но у французов с подготовкой личного состава тоже дела обстояли не лучшим образом. Словом, французов есть в чем упрекнуть — но главным образом в том, что они задолго до войны не озаботились серьезным образом подготовкой к ней, не наладили обучение войск, не провели перевооружения армии. Что-то делалось, безусловно, но медленно, непоследовательно и недостаточно. Армия Франции в сентябре 1939 года к войне, к серьезному наступлению была явно не готова. Возможно, продержись Польша полгода, или хотя бы три месяца — французы смогли бы подготовить полноценное наступле-

⁸⁴ What was the Saar Offensive (1939)? <https://bootcampmilitaryfitnessinstitute.com/2020/11/11/what-was-the-saar-offensive-1939/>

⁸⁵ Там же.

ние. Но Польша не продержалась и месяца. И уже через неделю после начала вторжения Германия начала переброску войск на Запад.

Союз Польши с Британией был заключен только 25 августа 1939 года. Британия брала на себя обязательство помогать Польше в случае агрессии Германии (в случае агрессии других стран помощь не предполагалась). Одновременно с Францией, Британия 1 сентября предъявила Германии ультиматум о прекращении вторжения в Польшу, а после того, как Германия его отвергла, 3 сентября объявила Германии войну. И то, что Британия могла на тот момент сделать, она выполнила. В первый же день войны была установлена морская блокада Германии. Сотни германских судов по всему миру были задержаны или укрылись в нейтральных портах. В свою очередь, германский флот (Кригсмарине) начал боевые действия против британского флота. Буквально в первый же день подводная лодка U-30 потопила британский лайнер *Athenia*, на котором погибло 112 гражданских людей. Британцы решили, что начинается «неограниченная подводная война». В тот же день Уинстону Черчиллю было предложено занять пост Первого Лорда Адмиралтейства с правом голоса в Военном Совете. Существует легенда, что узнав об этом, корабли британского флота обменялись сообщением с текстом: «Уинстон вернулся».

К тому времени Черчилль был одним из старейших — и известных — политических деятелей Британии. Свою карьеру в политике он начал еще в 1899 году, когда в первый раз попытался избраться в Парламент. Попытка не удалась, после чего он уезжает в Южную Африку, где как раз началась Англо-бурская война. Едет он в качестве корреспондента газеты «Морнинг Пост», но был захвачен бурами в плен, из плена бежал, и эти его военные приключения принесли ему первую известность. Вернувшись в Британию, он получил предложение баллотироваться в Парламент снова, и на этот раз стал депутатом. Он активно выступал с речами, выдвигал проекты, высказывал свои позиции по разным вопросам внутренней и внешней политики. В 1905 году он уже становится заместителем министра по делам колоний, в 1908-м — министром по делам торговли и промышленности, а в 1910-м занимает важнейший пост министра внутренних дел. Вскоре, однако, его занимают проблемы внешней политики, и в 1911-м он становится Первым Лордом Адмиралтейства. На этом посту Черчилль имел прямое отношение к созданию современного британского флота, выдержавшего Первую Мировую войну. В 1915-м под его председательством создан Комитет по сухопутным кораблям, результатом работы которого стало создание танков. После неудачной Дарданелльской операции Черчилль покидает этот пост и уходит на фронт в качестве командира батальона Шотландских Королевских Фузилёров (оставаясь при этом депутатом Парламента). В 1917-м он становится министром вооружений, а в 1919-м — военным министром и министром авиации. В 1921-м он снова становится министром по делам колоний (в этом качестве он подписывает признание независимости Ирландии), а в 1924-м — Канцлером казначейства. С 1931 года Черчилль оказывается не у дел — оставаясь депутатом Парламента, он не получает постов в правительстве, и уходит в оппозицию. Ключевым тезисом было противостояние Германии, которая с приходом Гитлера становилась все более активной и агрессивной. Черчилль, всегда славившийся сторонником жесткой линии во внешней политике, становится «знаменем военной партии» в Британии. Не удивительно, что британский флот под его руководством буквально с первого дня войны начинает самые активные действия.

Хуже было с сухопутной армией Британии. Хотя, по большому счету, это уже своего рода традиция. В какой бы войне не участвовала Британия — она к ней всегда категорически не готова. В Наполеоновских войнах, в Крымской войне, в Англо-бурской, в Первой Мировой войне Британии каждый раз приходилось создавать армию буквально заново уже в ходе идущей войны. На этот раз ничего не изменилось.

Это хорошо видно на примере танковых войск. Британия — родина танков, там их создали впервые в мире, и первыми применили в бою. До 1928 года Британия оставалась безусловным лидером в этой области. Помимо непосредственно танкостроения, большие успехи имелись с точки зрения организации танковых сил. 1 мая 1927 года была сформирована экспериментальная механизированная группа (Experimental Mechanised Force, EMF) под командованием полковника Джона Фуллера. Туда свели большинство из имевшихся танков, на базе EMF предполагалось отработать концепцию применения крупного механизированного соединения. Появлению EMF предшествовало несколько крупных учений с применением танков, самоходной артиллерии и артиллерийских тягачей специальной конструкции. Кроме того, имела общая концепция использования современных танков⁸⁶.

Но в 1928-29-м все изменилось. Считая, что большой войны в обозримом будущем не случится, британское правительство практически свернуло все работы по танкам и механизированным войскам вообще. Британские разработки по организации и материальной части широко использовались во всех странах — в США, в Германии, в Японии, в СССР. На британских образцах и лицензиях возникли советские танки Т-26, польские 7-ТР, многие узлы и механизмы использовали чехословацкие, немецкие, американские и японские танкостроители. Организация британской EMF стала основой механизированных корпусов в РККА СССР и «панцерваффе» Германии. И только сама Британия, где все это и было создано, до середины 30-х годов относилась к этому виду оружия без интереса.

Только в 1934-35-м году ситуация стала меняться. Была создана Танковая бригада под командованием Перси Хобарта. Тогда же были сформулированы тактико-технические требования к танкам для будущей войны. Не спеша, постепенно стали создаваться проекты будущих танков. Однако на 1 сентября 1939 года в британской армии имелось всего 79 «крейсерских» танков (для действий в самостоятельных соединениях) и 67 «пехотных» (для непосредственной поддержки пехоты). Лишь три пехотных танка Matilda II были полноценными, пригодными для современной войны. Остальное «железо» представляло собой скопище либо давно устаревших, либо просто непригодных к серьезной войне машин. На фоне тысяч танков у Германии, Франции, СССР это выглядело уж слишком бледно.

В течение 30-х годов программа развития сухопутных войск Британии не выходила из стадии обсуждений проектов. Лишь после капитуляции Чехословакии осенью 1938 года в Британии начали понимать, что европейские союзники не хотят или не смогут защитить себя сами, и потребуется непосредственное участие британской армии. Британцы 21 апреля 1939 года взяли на себя обязательство выставить полевую армию из шести регулярных и 26 территориальных дивизий, ввели штаты соединений, предназначенных для войны, и начали призыв на военную службу для обеспечения их личным составом⁸⁷. В феврале 1939 года первые четыре регулярные армейские дивизии Полевых сил были обещаны французам, которые должны были прибыть в район сбора во Франции на тридцатый день после мобилизации. До этого обязательства не проводилась никакая штабная работа, не было никакой информации о французских портах и железных дорогах, не было современных карт⁸⁸.

Переброски британских войск во Францию начались 9—10 сентября 1939 года, и к концу месяца на континент было доставлено 150 тысяч солдат и 21 тысяча боевых и транспортных машин. Позиции вдоль границы они начали занимать только с октября, к тому времени Польша уже была разгромлена, а попытка французского наступления на Рур провалилась. В конце 1939 и первые месяцы 1940 года переброски британских войск во Францию продолжались, но были

⁸⁶ Юрий Пашолок. В роли вечно отстающих: <https://warspot.ru/18502-v-rol-i-vechno-otstayuschih>

⁸⁷ Postan, Michael Moisey; Hay, D.; Scott, J. D. (1964). Hancock, K. (ed.). Design and Development of Weapons: Studies in Government and Industrial Organisation. History of the Second World War. United Kingdom Civil Series. London: HMSO

⁸⁸ Bond, B.; Taylor, M. D. (eds.). The Battle for France & Flanders Sixty Years On. Barnsley: Leo Cooper.

большие проблемы с их обучением. Дело в том, что призыв на военную службу в Британии был введен только в апреле 1939 года, то есть обученного мобилизационного резерва они не имели вообще. И вновь призванных рекрутов требовалось обучать с нуля. Военной подготовкой они и занимались, уже находясь во Франции. Только к весне 1940 года часть из них могла считаться боеспособными войсками. Безусловно, для наступления на Германию в сентябре 1939 года они были попросту непригодны.

Особая тема Польской кампании 1939 года — участие СССР. Ряд авторов считают, что именно заключение договора о ненападении Германии с СССР 23 августа 1939 года стал «сигналом» к началу Второй Мировой войны. Безусловно, это не так. Не начать войну с Польшей Гитлер просто не мог по политическим причинам. Но и считать этот договор («пакт Молотова-Риббентропа», как его часто называют) рядовым соглашением, стоящим в одном ряду с другими соглашениями о ненападении, заключенными разными странами с Германией, тоже нельзя.

Действительно, в 1934-м Германия заключила договор о неприменении силы с Польшей. В конце 1938 года Германия заключила договоры о взаимном ненападении с Францией и Британией. Но эти договоры не сопровождались дополнительным «протоколом о разделе сфер влияния», который был обязательным приложением к «пакту Молотова и Риббентропа»⁸⁹. Именно этот протокол делает «пакт» уникальным соглашением — ведь это делает его соглашением о разделе территорий третьих стран. И не случайно при подготовке договора о ненападении СССР выставил этот протокол обязательным условием самого договора. Немцы отнеслись к этому требованию советской стороны с пониманием. Они не стремились захватить всю территорию Польши по состоянию на 1939 год — их интересовала та ее часть, которая была германской до Первой Мировой войны. В общем, так оно и получилось. Те территории Польши, которые к 1914 году относились к Российской империи, отошли к СССР. С некоторым колебанием, но немцы согласились и на передачу СССР Галиции (Западной Украины), которая ни в составе СССР, ни в составе Российской империи никогда не была. Это решение вполне укладывалось в «расовую теорию» Гитлера: земли, которые населены не немцами, не могут считаться частью немецкого «жизненного пространства», пытаться их «германизировать» бесполезно и не нужно.

Остальная часть Польши, кроме отошедших к СССР и Германии территорий, выделялись в особое образование под названием «Генерал-губернаторство». В Германии не было четкого понимания, что с этой территорией делать дальше. Были мнения, что там надо сохранить какую-то польскую государственность — конечно, под эгидой Германии (вроде протектората Богемия и Моравия, или независимой Словакии, крепко «привязанной» к Германии политически и экономически). Решение этого вопроса до окончания войны развития не получило. «Генерал-губернаторство» оставалось оккупированной территорией под прямым германским управлением.

Восточные территории Польши (Kresy Wshodny по-польски) по протоколу-приложению к договору о ненападении признавались «сферой влияния» СССР. Но очень вскоре советская сторона просто включила их в состав своей территории, что и оформилось договором о дружбе и границах между СССР и Германией от 28 сентября 1939 года. Безусловно, этот «четвертый раздел Польши» был агрессивным актом, и ни о какой законности и правомерности тут речи быть не может.

Но, кроме территории Польши, протокол-приложение упоминал и другие территории — стран, которые вообще на тот момент не были участниками войны. Это, в первую очередь,

⁸⁹ АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1—2.; перепечатано в сборнике «Год кризиса. 1938—1939» Документы и материалы в двух томах, М., 1990.

прибалтийские государства — Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Они тоже были отнесены к «сфере влияния» СССР. Германия также подчеркнула отсутствие у нее интереса к Бесарабии (в тот момент принадлежавшей Румынии). Таким образом, этот протокол являлся планом территориального раздела Восточной Европы между СССР и Германией. В этом кардинальное отличие пакта о ненападении между СССР и Германией от всех других подобных соглашений — все они не предусматривали территориальных разделов третьих стран.

На основании этого протокола существует мнение, что СССР стал союзником Германии в начавшейся Второй Мировой войне. Однако это представление вряд ли справедливо. Что безусловно — это тот факт, что СССР получил часть разгромленной Германией Польши в качестве «платы» за неучастие в войне. В категорию той же «платы» следует считать и согласие Германии не противодействовать захвату Прибалтийских стран и Бесарабии советской стороной. При этом, конечно, СССР в войне участвовать не обязался, и не собирался выступать против тех стран, с которыми воевала Германия. То есть агрессивность СССР, безусловно, сомнению не подлежит, но не в качестве «союзника Германии» (как, например, Словакия, прямо участвующая в войне с Польшей на стороне Германии, или впоследствии еще и Венгрия, Румыния, Хорватия и Финляндия).

В Британии и Франции договор о ненападении Германии с СССР встретили со смешанными чувствами. С одной стороны, конечно, это было понято как неудача дипломатии этих стран. СССР не удалось сделать союзником, а это, безусловно, не позволяло защитить ту же Польшу. При вторжении советских войск в Восточную Польшу во Франции и Британии обсуждали, как к этому относиться — должны ли Франция и Британия объявить войну также и СССР, как объявили Германии? Премьер Франции Эдуард Даладье 18 сентября спросил советского посла в Париже: берет ли СССР украинские и белорусские территории Польши под защиту на время войны, или же намерен их присоединить полностью? В тот же день британское правительство приняло решение: поскольку Британия обязалась защищать Польшу только против Германии, то на советское вторжение реагировать не стоит. Понятно, что пресса во всем мире отнеслась к этому без восторга, но официальных протестов не последовало.

В общем, мотивы европейских союзников Польши вполне понятны. Ни во Франции, ни в Британии никогда не вызывали восторгов отношения Польши со своими соседями, ее вооруженных захваты земель у Литвы, Чехословакии, Германии, Украины, Белоруссии. Сам «кризис Данцига» тоже был ими принят неоднозначно. Они выступили в защиту Польши не потому, что считали ее образцовой и прекрасной, а потому, что захват Польши означал слишком большое усиление Германии и опасность для всей Европы. При этом еще при возникновении независимой Польши в 1918-1920-м годах Британия неоднократно указывала, что претензии поляков на этнически не-польские территории (Западная Украина, Западная Белоруссия, Данциг) она не поддерживает. Западная граница СССР в сентябре 1939 года прошла как раз по «линии Керзона» (предложенной именно британцами в 1920-м). И протестовать британцам было довольно затруднительно.

В целом Британия приняла советскую позицию. 17 и 27 октября 1939 года до сведения СССР было доведено, что Лондон хочет видеть этнографическую Польшу скромных размеров и не может быть никакого вопроса о возврате ей Западной Украины и Западной Белоруссии⁹⁰. Союзники Польши считали, что они обязуются помогать ей только в войне против Германии, а СССР просто «забрал свое», когда Польша утратила способность защищать свою территорию. Британия и Франция посоветовали польскому правительству в эмиграции не объявлять войну СССР⁹¹.

⁹⁰ Чубарьян А. О. Советская внешняя политика (1 сентября — конец октября 1939 г.) // Война и политика, 1939—1941. М., 1999. С. 11; Сиполс В. Я. Тайные документы «странной войны» // Новая и новейшая история. 1993. №2. Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. С. 131—132, 139. — цит. по Мельтохов М. И. Советско-польские войны.

⁹¹ ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 103—104, 107—108.

Уинстон Черчилль, занимавший в это время пост Первого Лорда Адмиралтейства, в своём выступлении по радио 1 октября 1939 года сказал: «Как бы то ни было, эта линия существует, и создан Восточный фронт, который нацистская Германия не осмелится атаковать»⁹². Как видно, будущий премьер уже тогда не сомневался, что СССР вступит в войну на стороне Британии. Он, разумеется, не ошибся.

Строго говоря, и сама польская армия не рассматривала вторжение РККА в Восточную Польшу как состояние войны. В ночь на 17 сентября в штаб главнокомандующего польской армией Эдварда Рыдз-Смиглы, находившийся в Кутах у границы с Румынией, стали поступать тревожные донесения с восточной границы. В 8 часов утра командир пограничного полка «Подолье» подполковник М. Котарба доложил, что «части советской армии перешли границу и заняли Подволочиск, Гусятин и Скала-Подольска. На Борщев движется кавалерия». Начальник штаба главкома генерал бригады В. Стахевич доложил об этом Рыдз-Смиглы, и приказал выслать в распоряжение советских войск парламентариев с вопросом, в каком качестве Красная армия перешла границу Польши. Около 14 часов была получена телеграмма от командира гарнизона в Луцке генерала бригады П. Скуратовича: «Сегодня в 6 часов границу перешли три советские колонны — одна бронетанковая под Корцем, другая бронетанковая под Острогом, третья кавалерии с артиллерией под Дедеркалами. Большевики едут с открытыми люками танков, улыбаются и машут шлемами. Около 10 часов первая колонна достигла Гощи. Спрашиваю, как мы должны поступить?»

Поэтому около 23.40 17 сентября по радио был передан приказ Рыдз-Смиглы: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию, или Венгрию»⁹³. Конечно, на это решение повлияло и отсутствие у главнокомандующего реальных военных сил, чтобы противостоять еще и наступлению РККА. Но в любом случае, отказ от сопротивления в данном случае означал и то, что войной это маршал не считает.

В некотором смысле вторжение РККА в Восточную Польшу после того, как основные силы Польского государства были разгромлены Вермахтом, можно считать своеобразным подтверждением слов Юзефа Бека, сказанных им во время франко-советско-британских переговоров в Москве в августе 1939 года: «Советы пытаются мирным способом забрать то, что не смогли забрать военным в 1920 году». Безусловно, с точки зрения СССР это был своеобразный «реванш» за проигранную Советско-польскую войну, за «чудо на Висле», положившее конец наступлению РККА на Варшаву, прикончившее саму идею «мировой революции». В общем-то именно так оно и рассматривалось. И, с этой точки зрения, совершенно понятна и мотивация действий СССР в этом конфликте.

Разумеется, присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР никакого экономического смысла не имело. В составе Польши это были довольно отсталые районы, и в составе СССР у них не появилось стимулов и возможностей стать источником ресурсов или «промышленными локомотивами». Надолго, очень надолго вновь присоединенные территории сами стали скорее потребителем вложений и так не особо богатых бюджетных средств СССР. Немного было смысла в этом присоединении и с военной точки зрения. СССР получил обширную территорию, населенную не слишком лояльным населением, с совершенно не устроенной военной инфраструктурой. Через два года, во время начавшейся войны Германии с СССР,

⁹² Winston S. Churchill. The First Month of War // Blood, Sweat and Tears. — P. 173.

⁹³ Cygan W.K. Kresy w ogniu: Wojna polsko-sowiecka 1939. Warszawa. 1990; Swbanski R. Siedemnasty wrzesnia 1939. Warszawa. 1990.

эти территории были потеряны практически мгновенно, за считанные недели. С точки зрения организации обороны СССР, перемещение границы на запад никаких реальных преимуществ не дало.

А вот с точки зрения политической пропаганды — тут уже совсем другое дело. Риторика СССР в этом случае очень сильно схожа с риторикой Гитлера: «воссоединение национального ядра», только в Германии речь шла о «германской расе», а в СССР — о «братских советских народах». И в том, и в другом случае это рассматривался как безусловный политический успех, способный скрыть, замаскировать нарастающие проблемы экономики, падение уровня жизни и другие кризисные проблемы.

В Восточной Европе в 1938-39-м годах (после Мюнхенского соглашения и Сентябрьской войны) сложилась концепция «предательства Запада». Дескать, страны Запада (Франция и Британия) «предали» Чехословакию и Польшу. Это, конечно же, не соответствует действительности. И в первую очередь потому, что сама по себе концепция государственной независимости, государственного суверенитета предполагает, что суверенные государства (в нашем случае Чехословакия и Польша) в первую очередь должны сами защищать свою независимость и территориальную целостность. И лишь когда они сами себя защищают, они могут рассчитывать на помощь союзников, и только в той степени, насколько это отвечает интересам союзников. Ждать, что тебя будут защищать за тебя и без тебя, по меньшей мере наивно и неосновательно. Чехословакия вообще отказалась защищаться, приняв условия Германии (причем как в октябре 1938-го, так и в марте 1939-го). Польша защищаться стала, но ее порыва хватило очень ненадолго — буквально на две недели. И после разгрома Польши Франция и Британия уже стали планировать и организовывать свою войну с Германией без оглядки на своих потерянных союзников.

Главный фронт Гитлера

В то время как германский Вермахт за считанные дни разгромил Польшу, ее европейские союзники — Франция и Британия — вплотную столкнулись с тем, что армии, по сути, у них нет.

По окончании Первой Мировой войны Франция, справедливо считая себя главным победителем, стремилась максимально использовать все плоды своей победы. Безусловно, в этом стремлении французы изрядно перестарались. Наложив на Германию несусветные контрибуционные платежи, ограничив ей армию, оккупировав значительные части германской территории, французы добились стойкой неприязни к себе среди всех немцев. Пожалуй, только к полякам неприязнь была сильнее. Не удивительно, что проповедуя «реванш», избавление от тягот (реальных и вымышленных) Версальского договора, Гитлер в первую очередь предусматривал именно столкновение с Францией.

Конечно же, и во Франции хватало людей, понимающих, что возобновление войны с Германией по меньшей мере весьма вероятно. Первым среди них, наверное, был маршал Франсуа Фош, главнокомандующий войсками Антанты в 1918 году, «маршал французской победы». В 1919 году он отказался присутствовать на подписании Версальского мирного договора, заявив: «Это не мир — это перемирие на 20 лет». Как видим, маршал угадал дату возобновления войны с точностью до года.

Французы же, вынесшие все тяготы Мировой войны, понесшие громадные людские потери и материальные разрушения, сознательно и подсознательно хотели новой войны всячески избежать. Именно это и стало главной причиной того, что Франция безразлично отнеслась к вступлению германских войск в Рейнскую область, к захвату ею немецкоязычных Австрии и Судетской области. Воевать с Германией еще раз? — для этого надо было что-то серьезнее, чем политические пертурбации среди самих немцев.

В 1924 году, когда Германия заявила о невозможности платить огромные репарации Франции, французская армия оккупировала Рурскую область. Но, вопреки ожиданиям руководства Франции, оккупация немецкой территории, вместо решения экономических проблем страны, вылилась в дополнительные расходы, которые, во многом, привели к экономическому кризису 1924 года. Оказалось, что сам по себе захват чужой территории выгоды не несет, а вот проблем для оккупантов создает немало. Франция и без того понесла большие людские и финансовые проблемы в только что завершившейся войне, и потянуть даже такие операции была уже не в состоянии. С 1 апреля 1923 года срок службы по призыву был сокращен до 18 месяцев. В 1928 году он был сокращен еще больше, до одного года. В реальности, французские призывники проводили в частях не более полугода, в ходе которых они фактически ничему не учились — на это не хватало средств. В результате в ходе мобилизации 1939 года в войска пришли резервисты, которые толком не умели пользоваться даже личным оружием.

Осознавая возможную опасность, понимая слабость своих сил, военные и политики Франции попытались «играть от обороны», соорудив на границе с Германией чудо военно-инженерной мысли — Линию Мажино. Это действительно была превосходная система укреплений, вероятно, самая совершенная в мире.

Но нет неприступных крепостей. Всякую крепость должны защищать обученные солдаты. А вот с этим у Франции были проблемы. Большие.

Первый план строго оборонительного характера был принят уже в 1929 году. До этого французские планы войны с Германией базировались на идее решительного наступления и оккупации Рурского промышленного района. Однако оценка боеспособности армии показывала, что призывник с малым сроком службы не мог действовать в рамках наступательной

доктрины. Военные говорили, что неподготовленный призывник не мог выполнять сложные маневры в наступлении, не обладал должным боевым духом, короткий срок службы не позволял развить чувство сплоченности в частях, что делало армию ограниченно боеспособной.

Французская армия полагала, что солдаты с кратким сроком службы способны только на статичную войну и только профессионалы могли действовать маневренно. Особенно ухудшало ситуацию, по мнению французских военных то, что на низшие командные должности в случае войны приходили офицеры-резервисты, не обладающие должным опытом. На заседании Верховного военного совета 14 декабря 1927 году генерал Ньессель заявлял, что в ходе Первой мировой войны офицеры—резервисты плохо себя проявили: «Мы не должны забывать, что это была война позиционная. Мы не можем позволить в начале кампании, особенно если это будет маневренная война, офицерам-резервистам возглавлять пехотные или кавалерийские батальоны». Генерал Тарж отмечал в 1930 году, что «только профессиональная армия может действовать за пределами наших границ. Милиционная армия приспособлена для обороны на подготовленных позициях, но не для маневра».

Именно уменьшение срока службы заставило французское командование менять свои наставления и руководства, чтобы подогнать их под возможности недостаточно подготовленных войск. Как писалось в одном из наставлений 1928 года: «Необходимо упростить все, что можно упростить, чтобы ограничить функции программ подготовки». Армия придавала особое значение управляемому позиционному сражению, потому что это был единственный вид войны, к которому пригодны призывники с коротким сроком службы. Руководство 1935 года гласило: «Подготовленное оборонительное сражение является такой формой войны, в которой меньше всего непредусмотренного, и которая наилучшим образом отвечает возможностям войск, недавно мобилизованных и отправленных на фронт». Французское военное руководство отказывалось от идеи наступления на Германию просто потому, что не имело войск для проведения наступления.

Серьезная нехватка доступного количества призывников и растущая угроза возрождения Германии вынудили французскую армию продлить военную службу до двух лет в соответствии с Законом от 16 марта 1935 года⁹⁴. Результатом всех этих метаний стало то, что к 1939 году у Франции, по сути, не было подготовленного мобилизационного резерва. За год практически невозможно обучить ни танкиста, ни артиллериста, да даже хорошего пехотинца подготовить трудно. Не приходится удивляться, что в 1938-м, когда разразился Судетский кризис, ни в 1939-м, когда возникла угроза Польше, французская армия не была в состоянии быть полноценной угрозой агрессору. Провал Саарского наступления в сентябре 1939 года показал это вполне наглядно. По сути, только с началом войны Франция приступила к созданию полноценной армии. Но, безусловно, тут же проявились все недостатки военного строительства прежних лет. И по мобилизации французская армия получила весьма убогий «человеческий материал».

Марк Блок, французский историк, был мобилизован в 1939 году в качестве штабного офицера. Он оставил весьма интересные воспоминания — интересные в первую очередь тем, что это заметки непосредственного участника событий, не подвергшиеся какой-то сторонней правке и редактуре. Что Блок видел, то и описал⁹⁵. «То, что я видел в 1939 году во время мобилизации, меня очень напугало — пишет он. — Я не буду сейчас рассуждать о системе призывных центров, которая после прошлой войны была подменена прямым поступлением новобранцев без всякой подготовки в отряды». То есть новобранцы, которые и во время своей прежней службы толком ничему не обучались, по мобилизации попадали в свои воинские части так

⁹⁴ https://ru.wikibrief.org/wiki/Conscription_in_France

⁹⁵ Марк Блок Странное поражение. Свидетельство, записанное в 1940 году. Москва, РОССПЭН, 1999

же необученными даже самым основам военного дела. Трудно ждать от таких солдат сколько-нибудь грамотной боевой работы.

Конечно же, это не было неожиданностью. Хорошо известно, что еще в начале 30-х полковник Шарль де Голль публично выступал с предложениями радикально реформировать военную систему Франции. «Мы не можем, — писал он, — рассчитывать на то, что плохо укомплектованные и слабо оснащенные войска, занимающие наспех созданные оборонительные рубежи, смогут отразить первый удар. Настало время, когда наряду с армией, комплектуемой за счет массы резервистов и призывников и составляющей основной элемент национальной обороны, но при этом требующей много времени для сосредоточения и введения ее в дело, необходимо иметь сплоченную, хорошо обученную маневренную армию, способную действовать без промедления, то есть армию, находящуюся в постоянной боевой готовности»⁹⁶. Речь, по сути, шла о создании постоянного кадрового объединения механизированных войск, способного без дополнительной мобилизации вступить в бой с потенциальным противником, которым, разумеется, в тот момент была именно Германия.

Кое-что в этом направлении уже делалось. Приоритет в создании механизированных войск принадлежал, конечно, Британии, которая все 1920-е годы занималась и отработкой организации и тактики механизированных войск, и созданием для них необходимой техники. Довольно скоро примеру британцев последовали немцы (впрочем, им не сразу удалось приступить к полноценному созданию механизированных войск — запрет на создание танков действовал до 1934 года) и СССР, создавший первую мехбригаду в 1930 году. Во Франции в 1933-м военное командование, объединив в лагере Сюип разрозненные танковые подразделения, создало ядро легкой механизированной дивизии, имеющей целью разведку и охрану.

Когда в 1934 году Гитлер заявил об отмене всех ограничений Версальского договора, и стало известно о формировании в составе Вермахта трех танковых дивизий, де Голль забил тревогу. Он привлек на свою сторону группу военных и журналистов, и в конце концов ему удалось заручиться поддержкой Поля Рейно, известного во Франции сторонника решительного внешнего курса (подобно Уинстону Черчиллю в Британии). 15 марта 1935 Рейно выступил в палате депутатов с убедительной речью, в которой говорил о том, почему и каким образом вооруженные силы должны быть дополнены первоклассной механизированной армией. Вскоре после этого правительство внесло законопроект о продлении срока воинской повинности до двух лет. Поль Рейно, полностью соглашаясь с этим законопроектом, внес проект закона о «немедленном создании специальной армии в составе шести линейных и одной легкой моторизованной дивизии, резервов общего назначения и служб. Эта армия должна комплектоваться за счет личного состава, поступающего на службу по контракту, и должна быть полностью приведена в готовность не позднее 15 апреля 1940»⁹⁷.

Однако все эти радикальные меры не были поддержаны и не получили развития. Генерал Максим Вейган (в 1940 году он станет верховным главнокомандующим союзными силами во Франции) считал создание «второй армии» нецелесообразным. По его мнению, у армии Франции уже есть все, что необходимо для войны. Маршал Филипп Петэн (позже возглавивший «правительство Виши», сотрудничавшее с Третьим Рейхом) выступал за увеличение армии. Но, как один из авторов Линии Мажино, он предполагал войну в форме прочной обороны с опорой на эти укрепления, а танки и авиацию всерьез не воспринимал. В конце концов, проект Рейно и де Голля подвергся резкой критике как со стороны левых (социалистов и коммунистов), так и правых (консерваторов), и был благополучно провален. Оба его автора до 1937—38 гг. оставались не у дел.

⁹⁶ Голль Ш. Профессиональная армия = Vers l'Armée de Métier. — М.: [Госвоениздат](#), 1935. — цит. по: Голль Ш. де. Военные мемуары: Призыв 1940—1942. — М.: АСТ; Астрель, 2003

⁹⁷ Голль Ш. де. Военные мемуары: Призыв 1940—1942. — М.: АСТ; Астрель, 2003

Только в феврале 1938 года Поль Рейно после долгого перерыва снова вошел в правительство Франции — сначала министром юстиции, а с ноября — министром финансов. В этом качестве он сумел провести довольно успешную и радикальную реформу экономики, сокращавшую государственное вмешательство и опирающуюся на принципы свободного рынка. Буквально за несколько месяцев 1938-1939-го годов это позволило на треть увеличить промышленное производство Франции, что было крайне необходимо в преддверии близкой войны. Но, конечно, для полноценной подготовки армии времени уже не оставалось. Новые, более современные образцы вооружений начали выпускаться уже в ходе войны. А создать обученный мобилизационный резерв так и не успели.

Шарль де Голль несколько лет оставался на административных и преподавательских должностях, и только в 1937 году получил должность командира танкового полка. Понятно, что его влияние, несмотря на известность и популярность, оставалось невелико. 31 августа 1939 года он был назначен командующим танковыми войсками в Сааре. По этому поводу он писал: «На мою долю выпало играть роль в ужасной мистификации... Несколько десятков лёгких танков, которыми я командую, — это всего лишь пылинки. Мы проиграем войну самым жалким образом, если не будем действовать»⁹⁸.

Своих проблем хватало и у авиации. С одной стороны, Первую Мировую войну Франция закончила с самым многочисленным парком военных самолетов в мире. В период между Мировыми войнами (или, если угодно, в «паузе» между двумя этапами Мировой войны) Франция выпускала больше военных самолетов, чем все остальные страны вместе взятые (кроме, впрочем, СССР, но позже, уже в 30-е годы). Бомбардировщиков Breguet 19 (образец 1922 года) было построено 1500 штук, а армейских самолетов поддержки Potez 25 (1925 года) было построено 3500. Они были наиболее широко используемыми военными самолетами в мире. В 20-е годы в любой другой стране было построено не более 700 экземпляров любого другого типа военных самолетов⁹⁹. Французские самолеты много лет задавали тон в техническом развитии мировой авиации. Созданные в 20-х, в начале 30-х годов Lioré et Olivier 20, Potez 542, Amiot 143 были самыми скоростными и грузоподъемными бомбардировщиками в мире. Farman 222 в 1936 году был первым современным четырехмоторным тяжелым бомбардировщиком в мире, с гладкой обшивкой и убирающимся шасси. Серийные модели «фармана» поступили в боевые подразделения французской авиации в то же время, когда были появились первые испытательные образцы знаменитого в будущем Boeing Flying Fortress, и на два года раньше его серийного выпуска. Широко разрекламированный в России советский Пе-8 (ТБ-7) появился примерно в то же время, что и «американец» (то есть значительно позже «француза»), и его выпуск ограничился несколькими десятками машин. К началу Второй Мировой войны французские бомбардировщики Lioré et Olivier 451 и Amiot 354 были самыми скоростными в мире, заметно опережая своих немецких «одноклассников» — Schnellbomber 1940 года Dornier Do 17K, Heinkel He 111E и Junkers Ju 88A. Бомбардировщик-разведчик Bloch 174 в 1940 году был самым быстрым многомоторным самолетом в мире.

Французские истребители установили одиннадцать из двадцати двух мировых рекордов скорости полета, установленных между войнами, и семь из них были установлены одним самолетом — истребителем Nieuport-Delage 29 (1921 года). Истребитель-моноплан Gourdou-Lesurre 32 (1924 года) был самым быстрым в мире боевым истребителем до 1928 года, когда его обогнал Nieuport-Delage 62. В 1934 году эта честь досталась Dewoitine 371, а в 1936 году Dewoitine 510 стал первым боевым истребителем, достигшим скорости 400 километров в час.

⁹⁸ Молчанов Н. Н. Генерал де Голль / под ред. Г. М. Крыловой. — М.: Международные отношения, 1980.

⁹⁹ Lieutenant Colonel Faris R. Kirkland, USAF (Ret.) The French Air Force In 1940. Was It Defeated by the Luftwaffe or by Politics? <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/aureview/1985/sep-oct/kirkland.html>

Dewoitine 501 1935 года стал первым истребителем, на котором была установлена пушка, стрелявшая через ступицу винта¹⁰⁰

¹⁰⁰ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.